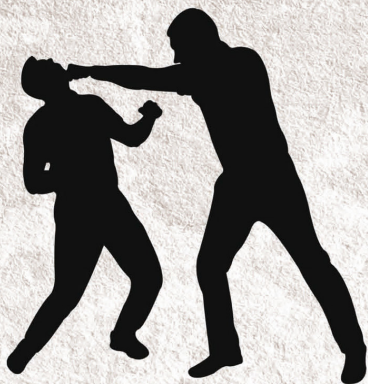

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЕГИН

ПРАВЕДНИК

ПАСТЫРЬ ИЗ СПЕЦНАЗА

ПРАВЕДНЫЙ ДЕТЕКТИВ -
ВЕРОЙ И СИЛОЙ

Михаил Георгиевич Серегин
Пастырь из спецназа
Серия «Праведник», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167355
М.Серегин Пастырь из спецназа: Эксмо;

Аннотация

Спор священника с сектантами не мог закончиться миром – ведь отец Василий когда-то служил в спецназе, а за сектантами стоят серьезные силы, которые намерены прибрать к рукам город. И это только начало противостояния...

Содержание

Часть I

4

Конец ознакомительного фрагмента.

128

Михаил Серегин

Пастырь из спецназа

Часть I

Отец Василий, старательно пряча лицо, пробрался вдоль стенки к ведущей на второй этаж деревянной лестнице и, до боли в ногтях вцепившись в шершавые перила, замер.

– Братья и сестры! – громко возопил со сцены сухой, с крупным костистым лицом проповедник и воздел свои длинные руки вверх. – Бог никогда не переставал любить вас! Верите ли вы мне, апостолу его?!

– Ве-ерим! – единой волной качнувшись вперед, как одна глотка выдохнула толпа.

– Бог никогда не отворачивал от вас своего лица! Верите ли вы мне, апостолу его?!

– Ве-ерим! – снова покачнулась толпа.

– И бог смеется от счастья, видя, как любят его в каждом божественном творении возлюбленные дети его! Верите ли вы мне, апостолу его?!

– Ве-ерим! – ухнула толпа, на глазах теряя остатки разума.

Отец Василий вжался в стену. Более гнусной подмены самых святых понятий он во всей своей жизни не видел!

– Так возлюбите господу своему всеми силами души сво-

ей! – звонко призвал проповедник. – Пусть брат возлюбит сестру свою и видит в ней господа! И пусть сестра возлюбит брата своего и видит в нем господа! И тогда господь спустится с небес и пребудет с вами!

Проповедник взмахнул руками, и толпа, гулко охнув, как зачарованная, снова подалась вперед.

– Будьте, как дети, призвал нас апостол Иисус! Отриньте стыд сатанинский и всякую ложь и нелюбовь! И любите брат сестру и сестра брата, как любит вас господь! Как сами вы любите господа своего! С нами бог!

– С нами бог! – как завороченная отозвалась толпа.

Страстно и тревожно застонали за кулисами скрипки, мерно и глухо застучали невидимые барабаны, разом погасли мощные прожекторы – так, чтобы осталась лишь небольшая, расчетливо устроенная подсветка сбоку, и толпа, впадая в транс, вздрогнула и закачалась в едином, заданном иноземной музыкой ритме. Вперед. Назад... Вперед. Назад...

– Сорвите с себя одежды! – под ускоряющийся бой барабанов, экстатически закинув голову назад, призвал проповедник. – Бросьте их на пол! И поprite их ногами! И пусть ничто не помешает вам узреть райское блаженство! И пусть ничто не посмеет встать между господом и вами! С нами бог!

– С нами бог! – выдохнула толпа.

– Будьте, как прародители наши Адам и Ева, – воззвал проповедник. – И знайте: ни в чем нет греха! – Ни в чем нет

греха! – выдохнула толпа.

Отец Василий сглотнул и вытаращил глаза. Люди, шатаясь, будто киношные зомби, начали стаскивать с себя кофточки и пиджаки, юбки и брюки, поношенные бюстгалтеры и мятые трусы, и через пару минут весь немаленький зал Дома рыбака был заполнен обнаженными, совершенно потерявшими разум, буквально осатаневшими животными.

– Господи, помилуй! – истово закрестился священник.

Барабаны загудели еще быстрее, а скрипки застонали еще тревожнее...

– Вижу! – воскликнул костолоицый длиннорукий проповедник и пошатнулся. – Вижу господина моего! Он спустился! Он с нами!

– С нами! – ухнула толпа.

Скрипки взвизгнули и, вторя барабанам, ускорили сумасшедший ритм торжествующе-непристойной мелодии...

– Спаси и сохрани! – взмолился священник. – Помилуй, господи, раба твоего!

– Узревшие! Не таите господа в себе! – истерически вскрикнул костолоицый.

– Ви... Вижу! ...жу! – вразной отозвались из толпы голоса. – Вижу господа моего! Вижу!!!

– Возлюбите господа в ближнем своем! – взревел костолоицый.

Обнаженные, истекающие слюной, с обезумевшими глазами люди кинулись друг на друга, аки дикие звери, и отец

Василий осознал, что именно так и начинается Апокалипсис...

* * *

Нет, поначалу все шло как нельзя лучше. И ноябрь, и декабрь мысли устькудеярцев были надежно заняты. Они только и делали, что обсуждали самоубийство местного начальника милиции Павла Александровича Ковалева. История была темная, по крайней мере ни прокуратура, ни районная администрация проливать на нее свет явно не собирались и ограничились лишь сухой констатацией факта.

Но совсем обвести народ вокруг пальца не удалось – не те нынче времена... Поползли слухи о найденных за островом Песчаным каких-то неопознанных трупах, о запоздалом вмешательстве ФСБ и какой-то подписке, спешно и жестко взятой чуть ли не у всех местных ментов... много чего говорили...

Отец Василий во все эти дела не вмешивался – не было ни сил, ни времени, а если честно, и желания. В его положении временно отстраненного от несения церковных служб это было бы и неумно, да и просто ни к чему – за свое бы ответить. Так уж получилось, что полтора месяца назад, в чужом городе отец Василий, спасаясь от купленных бандитами ментов, остриг для маскировки бороду. И это в патриархии восприняли как тягчайший проступок. Как будто у него был

выбор...

Впрочем, если как на духу, жаловаться отец Василий не мог: присланный патриархией на временную подмену ему юный отец Николай дело знал прекрасно, да и человеком оказался неплохим – не подсиживал, не стучал вроде бы... и уж лишнего на отца Василия точно не вешал. Срочно приехавшие из Первопрестольной ревизоры тоже свою работу знали: проверку провели быстро и профессионально и честно отметили, что отцу Василию удалось поднять посещаемость храма и сборы пожертвований на небывалую, почти невозможную в условиях заштатного райцентра высоту. Это в конце концов и привело к полному восстановлению священника в своих правах.

Вернувшаяся от родителей из Зеленограда на шестом месяце беременности, попадья была счастлива.

– Господь защитил вас, батюшка, – с каким-то особым уважением говорила она мужу, и отец Василий шурился от удовольствия и поглаживал непривычно колкую, только начавшую отрастать бороду.

Так же, как Ольга, или примерно так отнеслись к происшедшему все, кто хоть как-то был причастен к последним событиям вокруг отца Василия. И главный врач районной больницы Костя, и бывший участковый Сергей Иванович, и шашлычник Анзор, и оборотистая официантка шашлычной Вера, и водитель Толян – все понимали, что этого странного попа и впрямь защищает господь. То ли потому, что он

выбрал эту богоугодную профессию, а скорее всего, просто потому, что человек он, как ни крути, стоящий, не пустой... Последние события показали это ярко и убедительно.

Конечно, когда отец Василий только принял приход, он и в мыслях не держал, что жизнь в маленьком заштатном Усть-Кудеяре будет такой насыщенной. Но с тех пор минуло больше года, и у него, слава господу, и друзья появились, и дела на лад пошли... может быть, именно благодаря напряженному и порой непредсказуемому течению жизни... Как-то так выходило, что каждое новое потрясение только увеличивало и авторитет церкви, и личный «вес» усть-кудеярского священника.

* * *

Оставив отцу Василию экземпляр акта проверки, уехали ревизоры; пришла наконец очередь прощаться и честно исполнившему свой долг отцу Николаю.

– Хочу, батюшка, – смущаясь, произнес юноша, – нормально, по-русски с вами проститься... – и поставил на стол две бутылки водки «Смирнофф».

Отец Василий хмыкнул: принести к нему водку на сорокадневный пост, пусть даже и в канун Нового года, было изрядным, если не сказать демонстративным, актом доверия, но возражать не стал.

Ольга накрыла на стол там же, где они с батюшкой и жи-

ли, – прямо в храмовой бухгалтерии. После пожара, лишившего их собственной крыши над головой, храм божий стал для них всем: и домом, и работой, и духовной поддержкой.

Отец Николай, а если проще, Коля, отвинтил головку «беленькой» и аккуратно разлил содержимое по рюмочкам.

– Не думал я, ваше благословение, что здесь так хорошо все окажется, – покачал он головой. – Честно, не думал.

– Да, Коля... хоть это и провинция, а народ здесь ничуть не хуже, а то и лучше, чем в миллионных городах, – довольно отозвался отец Василий.

– Я не про то, – отмахнулся отец Николай. – Я про то, как лично вы дело поставили... И авторитет у церкви на высоте, и пожертвования, как в хорошем столичном приходе...

«Это он, конечно, лишку хватанул, – весело подумал отец Василий. – Такие пожертвования, как в Москве, вряд ли где еще по России можно собрать...»

– Спасибо на добром слове, Коленька, – улыбнулся он и принял из рук отца Николая наполненную рюмку. – Слава господу, люди здесь действительно жертвуют от души...

– Знаете, отец Василий, – задумчиво произнес отец Николай. – Я вот долго готовился пожелать вам на прощанье чего-нибудь хорошего, но знаете, что понял?

– Что?

– Мне нечего желать вам, – виновато пожал плечами отец Николай. – И не потому, что я не умею произносить тосты или недостаточно хорошо к вам отношусь... просто... на са-

мом деле у вас ведь все давно есть... Уважение прихожан, прекрасный храм, совершенно замечательная жена... Что еще может попросить у господ человека? Разве что поменьше проверок... – неожиданно широко улыбнулся он.

– Хор-роший тост! – рассмеялся отец Василий. – А главное, актуальный... Не в бровь, а в глаз!

Они выпили, и отец Василий бережно положил в рот нежнейшую поджаристую морковную котлетку – бог весть, как это удавалось Ольге, но они и в пост ели по-настоящему вкусно – не в пример предпочитающим скоромное во все времена года атеистам...

Они «усугубили» первую бутылочку, за ней – вторую, и после второй раскрасневшегося отца Николая понесло. Он принялся рассказывать и о своей жизни, и о планах на будущее, и, само собой, о том, что его тяготило...

– Поймите, батюшка, – перевешивался через стол молодой священник, – ничего не кончилось! Церкви еще предстоит выдержать острейшую конкуренцию за прихожан...

Отец Василий недовольно покачал головой – лично он предпочитал называть это битвой за души, а не конкуренцией, но прерывать юношу не стал.

– Мало нам было баптистов да адвентистов! – возбужденно размахивал руками юноша. – Так теперь еще и вся эта бесовщина заморская повалила: шагнуть некуда, на кришнаита наступишь!

Отец Василий не возражал. Ольга заботливо подложила

отцу Николаю котлеток, и тот, внезапно потеряв нить разговора, откинулся на стуле.

– Вы уже слышали об этих, как их, ДДС? – через долгие две или три минуты спросил он.

– О чем? – не понял отец Василий.

– Дети Духа Святого... – расшифровал аббревиатуру отец Николай. – Говорят, уже и здесь, в Усть-Кудеяре, их засланцы объявились...

Отец Василий ни о чем таком не слышал, им даже в семинарии об этой секте ничего не рассказывали.

– С размахом сукины дети работают! – возбужденно выпалил отец Николай. – Особенно с молодежью... Вы смотрите повнимательнее за ними: на самотек не отпускайте... У них подход американский, навроде сетевого маркетинга – охнуть не успеешь, а уже половина города в адепты записалась!

– Будь спокоен, – кивнул отец Василий. – Этого я ни за что не допущу.

* * *

Назавтра с утра молодой священник уехал, а уже к обеду отец Василий обнаружил на храмовой ограде объявление, извещающее о проведении в городском Дворце культуры железнодорожников научно-популярной лекции на тему посмертного существования души с демонстрациями и показаниями очевидцев. В правом углу листовки красовалась

аккуратная аббревиатура ДДС.

– Началось! – громко вздохнул священник и решительно сорвал отпечатанный типографским способом на хорошей бумаге листочек.

Он широким шагом проследовал в храм и, найдя диакона Алексея в кладовке, крепко взял его за ворот.

– Почему я лично должен срывать с ограждения всякую пакость?! – на повышенных тонах попенял он диакону.

– Ваше благословение... – перепугался Алексей. – Видит бог, не заметил!

– Сказано: «Не поминай имя божие всуе!» – еще больше рассердился священник. – Почему это я заметил, а ты не смог?

– Ей-богу, ваше благословение... ей-богу! – запричитал Алексей. – Я не виноват... Это все американцы поганые!

– Да мне хоть китайцы, – двинул диакона по затылку отец Василий, выпихнул его из кладовки во двор, оправил рясу и, приосанившись, вышел следом. – Нам с тобой, Алексей, дело надо делать, – веско напомнил он. – А если мы так будем относиться... иди обрывай, и, не приведи господь, хоть еще раз эту дрянь в нашем квартале увижу!

Диакон помчался исправлять упущение, а отец Василий, оглядевшись по сторонам, отправился в бухгалтерию, к Ольге.

Едва он увидел жену, на сердце полегчало. Олюшка хлопотала у недавно установленной в бухгалтерии новой плиты,

готовая что-то пусть и постное, но невероятно вкусное, отчетливого запаха разносились по всему церковному двору. Это, конечно, было не по правилам, но жить в своем доме, а точнее, в том, что осталось от него после пожара, они не могли, а снимать квартиру у чужих людей не хотели.

– Что у нас на обед? – потирая руки и сверкая глазами, поинтересовался отец Василий.

– Вот вчерашние морковные котлетки остались, – виновато улыбнулась жена. – И немного творожничков испекла, если хотите...

– Очень хочу! – признался священник и тяжело опустился на стул. К отсутствию мяса он привык, но всегда компенсировал это себе изрядным количеством постной пищи – иначе его большое тело рабочих нагрузок просто не выдерживало.

– Вам Костя звонил, – сказала Ольга. – Спрашивал, как мы, не передумали еще...

Отец Василий на секунду перестал жевать. Уговорившись отпраздновать Новый год вместе, друзья сначала как-то не подумали, где они это сделают. И только три дня назад Костя предложил посидеть у него.

– С одной стороны, это нам ехать аж в Шанхай... – рассудительно произнес отец Василий. – А с другой стороны, где еще?

Ольга молчала, терпеливо ожидая, чем завершит свои размышления вслух ее муж.

Огромный Костин дом в районе города со столь же стран-

ным, сколь и старинным названием Шанхай был вполне удобен. Правда, почему имеющий колоссальные связи и возможности Костя отстроил свою домину в этом богом забытом районе, было неясно. Не считать же, в самом деле, причиной то, что он здесь когда-то вырос... На то человек и растет, чтобы вырваться за пределы того, с чего когда-то начал.

Костя прекрасно «вырос», сумел сделать головокружительную для пацана из Шанхая карьеру, и, надо признать, место для своего двухэтажного, крытого заморским металлическим шифером особняка он выбрал интересное, на самом краю широченного, заросшего березняком оврага.

Костин дом возвышался над округой, как капитанский мостик. Там, внизу, шумели верхушки деревьев и поблескивали пруды. Осенью овраг был наполнен сухой листвой, а весной – легкой изумрудной дымкой. Летними слепыми дождями прямо над оврагом вставляли в ряд по две-три радуги, а зимой березовые стволы бросали на белый снег длинные синие тени. И над всей этой сокровищницей природы расстилалось огромное синее усть-кудьярское небо.

Живя в такой красоте, пожалуй, можно было и не замечать, что уже в двадцати метрах от оврага начинается район превращенных в коммуналки купеческих полуторасотлетних домов. Хотя, наверное, и в этом можно было найти свою прелесть – Костя же что-то находил...

– Едем! – решительно подвел итог отец Василий. – Тем

более что мы уже договорились.

Тем же вечером он обошел пустой храм, отпустил с богом диакона Алексея, провел инструктаж с молодым парнем, пришедшим на подмену храмовому сторожу Николаю Петровичу, почти доверху загрузил свои старенькие «Жигули» приготовленной Олюшкой снедью, бережно усадил беременную жену на заднее сиденье и вскоре уже подъезжал к дому главного врача районной больницы.

* * *

Они посидели от души. Поначалу, как и следовало, все было пристойно. Отец Василий, памятуя о сорокадневном Рождественском посте, лишь обмакивал в рюмке губы, периодически пускаясь в долгие рассуждения о многотрудном пути каждой христианской души, но прошла пара часов, и он уже охотно откликался на полупристойные Костины врачебные байки в духе самого черного, самого врачебного юмора, а потом и сам начал вспоминать еще более непристойные, передаваемые в семинарии, несмотря на стукачество, из поколения в поколение легенды.

И в конце концов наступил момент, когда священник вспомнил свое в самом прямом смысле этого слова боевое, еще досеминарское, прошлое и начал демонстрировать на Толяне приемы самбо, тут же объясняя Косте, как врачу, разумеется, что именно при правильном применении у про-

тивника ломается, вдавливается или отрывается. И Толян охал от боли, а хирург со стажем Костя приходил в трепет от демонстрируемых простым православным священником неожиданно глубоких познаний в анатомии.

Потом друзья принялись обсуждать женщин, и тогда Вера с попадьей решили, что уже хватит, и потащили мужиков по домам.

– Да мы только начали! – возмутился Костя. – Что вы в самом деле?!

– Тебе, Костя, никуда идти не надо, – сварливо отметила Вера. – А Ольге своего десятипудового муженька через весь город тащить!

На это возразить было сложно.

Длительный пост, конечно же, сказался, и выпитое ударило в голову со всей возможной силой, так что, когда отец Василий, поддерживаемый с двух сторон Костей и Толяном, вышел во двор, ноги его едва держали. Дамы ушли вперед и теперь ждали, когда их догонят.

– Ну, мальчики! Скоро вы там?! – нетерпеливо стучала каблучком об утоптаный снег Вера.

– Мы сейчас... – как самый совестливый, отозвался Костя.

За невысокой, созданной лучшим архитектором области плетеной металлической оградой Костиного двора послышалась какая-то возня.

– Держи этого козла, – жестко распорядился неприятный скрипучий голос. – Я сейчас учить его буду.

Костя инстинктивно подался назад, но и Толян, и священник живо заинтересовались происходящим и, пошатываясь, побрели на странный звук.

– Маль-чи-ки! – с явным предупреждением в голосе напомнила о себе Вера. – Мы вас ждем.

– Ага, – кивнул отец Василий и, вперившись глазами в противоположную сторону, попытался понять, кто это там бузит. – Эй, вы! – с вызовом крикнул он в темноту. – Чего это вы там делаете?!

– Тебя не спросили! – грубо отозвались из-за ограды.

– Ну-ка, подожди! – Священник отпихнул державшего его главврача и ринулся вперед: с ним так разговаривать никто не смел!

Он вывалился за ограду и в обнимку с Толяном прошатался на голос. В нескольких метрах впереди четверо молодцев прижали к забору высокого худощавого мужчину. Видно было, что мужик ни капельки не боится и держится с необычайным достоинством, но ловить ему одному против четверых шанхайских все равно было нечего.

– Так, ребятишки! – распорядился священник. – Всем пописать и баиньки по домам!

Парни зло засмеялись.

– Смотри, мужик, тоже нарвешься! – предупредил один.

– Слушай, Толик, – повернулся к Толяну отец Василий. – Как ты мыслишь, они правду говорят? Нарвемся?

– А то как же! – уверенно подтвердил шофер. – К бабке

не ходи! Од-но-значно нарвемся!

– Тогда вперед! – скомандовал священник и, хватаясь за ограду, с мересьевским упорством потащил свое грузное тело вперед.

– Подождите, мальчики, без меня не начинайте!

Парни хмыкнули и переключили внимание со своей жертвы на еле ползущего вдоль ограды небритого, заросшего волосами до плеч придурка.

– Я щас... подождите... – вполголоса проговорил отец Василий и, только подойдя почти вплотную, рискнул оторвать руку от ограды.

– Чьи вы, хлопцы? – поинтересовался он.

– А ты чей? – с подозрением уставились на непрошеного гостя парни; уж очень нахально он себя вел...

– Я, ребятки, человек божий... – печально вздохнул священник. – Сам никого напрасно не обижаю и другим не даю...

Кто-то засмеялся. Припертый парнями к ограде высокий худощавый мужик с откровенным, бесстрашным любопытством рассматривал нежданного заступника.

– Толик! Батюшка! – послышался далекий Веркин голос. – Ну где же вы?!

– Ты иди, мужик, своей дорогой; вон тебя твои бабы заждались, – дружелюбно посоветовал обладатель столь неприятно поразившего священника скрипучего голоса – видимо, старший в этой команде. – А то, смотри, не все свои запчасти

до дому донесешь...

– Не могу... – еще печальнее вздохнул отец Василий и беспомощно развел руками. – Не могу я человека в беде оставить. Совесть не позволяет.

– Тогда получай! – без предупреждения двинул ему кулаком в лицо старший.

Отец Василий пошатнулся и с трудом удержался на ногах. Голова загудела, как Царь-колокол. Он осторожно потрогал челюсть, на всякий случай поморгал глазами, но все оказалось на месте. Где-то далеко тревожно вскрикнула Ольга.

– Напрасно ты так, – с укоризной произнес он и в следующий же миг поставил блок: эти парни, похоже, всегда били без предупреждения. – Напрасно... – протянул он, аккуратно переводя противника в положение «партер», а если проще, на карачки... – Я тебя, между прочим, предупреждал...

Ничего не понимающий главарь, оказавшись на четырех конечностях, изумленно застыл. Он все никак не мог поверить, что до позора так близко.

– Продолжим, ребятки, – распрямился отец Василий и повернулся к жертве: – Вы не возражаете?

Высокий худой мужчина удовлетворенно кивнул: его определенно забавлял такой оборот дела.

– Какие у вас проблемы? – поинтересовался у хулиганов священник. – И можно ли их разрешить без насилия?

Парни оцепенели. Поверженный главарь медленно поднимался, а сзади уже слышался мелкий топот дамских каблук.

ков: Ольга и Вера мчались оттаскивать своих мужиков от этого опасного места.

– Шел бы ты отсюда, козел... – как-то нерешительно то ли попросил, то ли предложил самый крепенький из парней.

– За метлой следи! – недружелюбно посоветовал парню Толян, явно обидевшись за «козла». – А то зубы потеряешь!

– Толик! – подлетела Верка. – А ну пошли отсюда!

– Батюшка, с вами все в порядке? – вторя ей, вцепилась в мужнин рукав попадья.

– Стоп, Валек! – остановил напряженные переговоры уже поднявшийся на ноги главарь. – Хватит базарить! Они уже допросились.

– Это ты у меня сейчас допросишься, козел! – пообещала главарю Вера и потащила Толяна прочь. – Пошли, Толик!

Отец Василий хмыкнул: обстановочка накалялась. – Маконя! Брателло! – раздался сбоку веселый гогот. – Тебе помочь?!

«Маконя?» – подумал отец Василий; он откуда-то знал эту кличку. Но времени на размышления было немного. Священник скосил глаза и увидел, что к ним приближается «теплая» компания человек эдак в шесть-семь. Стало ясно, что ситуация усложняется еще сильнее – местные пацаны друг за дружку держались крепко.

– Н-на! – не выдержал первым Толян, и ограда затряслась от удара чьим-то телом.

– Толик! – взвизгнула Вера.

– Ну, что, бойцы, поехали? – поинтересовался отец Василий, выставив руки.

Дальнейшие события начали развиваться, как в плохом индийском кино: женщины визжали, а мужики – что те, что другие – на ногах толком не держались и падали на скользком накатанном тротуаре.

К Маконе подоспела подмога, но отец Василий не считал, сколько их было... ему это было как-то все равно. Священник вставал, и падал, и снова вставал, время от времени роняя на утоптаный тротуар то одного, то второго. Одно он знал точно: те, кого он припечатал, скоро не подымутся, но судьба, словно не желая его абсолютной победы, снова все переменяла – быстро и решительно.

– Всем стоять!!! – истерически заорал кто-то позади. – Руки за голову! Ноги на ширине плеч!

Внутри у отца Василия екнуло, и он, медленно поднимая руки, оборотился назад. В двух метрах от медленно копошащейся на снегу свалки, опоясанный патронташем, с длинным охотничьим ружьем в руках стоял... сам главврач районной больницы.

– Костя, ты меня напугал, – с укоризной покачал головой священник, повернулся, чтобы продолжить, и понял, что «продолжать» просто не с кем: те, кто не сбежал, сплошной черной массой устилали пространство под ногами.

– Молодец, Костя! – ядовито усмехнулся держащийся за разбитую губу Толян.

– А главное, вовремя! – поддержал его священник, и они оба дружно заржали.

– Так я... это... – начал было главврач, но понял, что с этим своим ружьем и патронташем и впрямь выглядит совершенно по-идиотски, и тоже хрюкнул.

А уже в следующий миг к ним присоединился и высокий худой, костолицый мужик, как ни странно, тоже оставшийся на ногах. Они смеялись и чувствовали, что нелеп не только вооруженный до зубов Костя, нелепа вся эта ситуация, когда четверо здоровых, зрелых мужиков вынуждены доказывать каким-то соплякам свое право на беспрепятственный проход в любое время по любой улице Усть-Кудеяра...

– Меня зовут Борис, – с глубочайшим внутренним достоинством подал руку так и не ставший жертвой костолицый. – Будем знакомы.

– Толик, – протянул свою руку Толян. – Ты неплохо махался... А это наш батюшка. Отец Василий.

– Очень приятно, коллега, – улыбнулся костолицый. – Вас проводить? А то хулиганье совсем распоясалось...

– Ой, проводите, проводите! – запричитали женщины, явно не надеясь на своих мужчин.

«Почему „коллега“? – мелькнула у отца Василия мысль, тут же вытесненная смешливым протестом: – Он еще провожать нас хочет!»

– Спасибо, друг! Мы на машине! – отнекался вместо него Толян, хотя какую такую машину он собирался вести в этом

состоянии, было не совсем понятно...

Что-то во всем этом происшествии было не так, неправильно, но, что именно, отец Василий сообразить уже не мог.

* * *

Он нетвердо помнил, на какой именно машине они добрались домой и кто был за рулем, но по крайней мере проснулись дома... то есть в бухгалтерии храма. Ольга была уже на ногах и перемывала в тазике посуду.

– А-а... проснулись? – повернулась она к мужу. – И слава богу!... Знаете, я не хотела вам вчера говорить, но, кажется, восьмая рюмка была лишней.

– А что, была восьмая? – удивился священник.

– И девятая, – вздохнула жена. – И десятая... И милицию мы ездили пугать... и охранника, ни в чем не повинного, облевали...

– Какого охранника? – испугался священник.

– Вестимо какого – из райадминистрации... – снова вздохнула Ольга. – Чтобы рангом поменьше, вас никак не устраивало; мы с Верой не знали, что с вами и делать... И, главное, Толик же вам говорил, мол, облегчитесь прямо здесь, не держите в себе... А вы: нет, мне нужен охранник!

Отец Василий почесал затылок. Да, погуляли они, похоже, неплохо. Знатно, можно сказать, погуляли...

– А что ж меня Костя не удержал? – задумчиво произнес

священник. Он помнил, что главврач был почти трезвый, по крайней мере тот так утверждал...

– Костя и сам был хорош, – улыбнулась Ольга. – Тряс своим патронташем на каждом углу... Хорошо еще, что ружье у него забрали.

– А кто забрал?

– Вы и забрали...

Отец Василий удовлетворенно хмыкнул – хоть что-то было сделано правильно. Он поднялся и начал было одеваться, но Ольга решительно предотвратила его поползновения.

– Лежите, – махнула она рукой. – Алексей сказал, пусть батюшка отсыпаятся, я сам все сделаю. Храм после праздников-то все одно пустой.

Священник подумал и согласился.

* * *

Разумеется, уже к вечеру отец Василий возобновил службы, но, как и ожидалось, первого января в храм так никто и не пришел. Собственно, замер в безлюдье не только храм. Это была главная беда Усть-Кудеяра. Однажды начав праздновать, горожане подолгу не могли остановиться, и улицы вымирали на два-три дня. Лишь изредка выбегал из какого-нибудь дома нетрезвый мужичок в телогрейке, накинутой прямо поверх засаленной, растянутой майки, и то лишь для того, чтобы стремительно домчаться до винно-водочного от-

дела и быстренько, не теряя драгоценного времени, вернуться назад, где его ждали...

Даже набожные местные старушки на время главных мирских праздников забывали дорогу в храм, в основном потому, что все эти дни вели неравный бой со своими семейными выпивохами.

Отец Василий отпустил диакона домой, а потом, предупредив Олюшку, что ужинать сегодня не станет, закрылся в храме и упал на колени перед иконой Христа Спасителя. Отравленное алкоголем тело еще подрагивало, но он был полон решимости вымолить у него прощение.

Священник молился так, как, наверное, никогда в жизни. Слишком велика была опасность, подстергшая его душу менее суток назад. Мало того что он нарушил сорокадневный Рождественский пост, так еще и охранника испачкал... намеренно.

Прошло четыре или пять часов, и отец Василий забыл про время и давно уже не был ни в каком пространстве, и только горячая, слезная, не записанная ни в каких канонах, но идущая от самого сердца молитва ему, всемогущему, имела еще значение.

– Господи! – просил он. – Спаси и сохрани меня от греха! Не дай искусителю ввергнуть мою душу бессмертную в беспутство и гордыню! Помоги мне, сирому, оставаться под твоей рукой!

И в тот самый момент, когда он внезапно понял, что мо-

литва дошла до него, раздался скрежет.

Отец Василий вздрогнул и снова увидел темное пространство храма вокруг себя.

Скрежет повторился, и священник подумал, что уже, по-ди, часов пять утра, и время снова стало иметь значение.

Послышался легкий стук, и отец Василий покрылся испариной: звуки шли оттуда, снизу...

– Спаси и сохрани! – истово перекрестился он.

Стук повторился – легкий, но отчетливый.

«Крыса? – подумал священник. – Мы же их потравили!»

«Тук-тук», – раздалось снизу, и снова – «тук-тук»...

Это не могла быть крыса.

Отец Василий встал и ощутил, как легко, бесплотно его изнуренное многочасовой молитвой тело. Но сам он, как защищенный господней волей дух, был силен, как никогда! Священник легко переместился к храмовым дверям, вышел наружу и, ни капли не раздумывая, направился к входу в нижний храм. Достал ключи, немного постоял и, подчиняясь какому-то наитию, просто толкнул дверь. И она бесшумно, без единого скрипа, распахнулась.

Он увидел это сразу. В дальнем углу стояла черная бесформенная тень, странно подсвеченная по краям так, словно это светилась аура. Но нимба не было – это священник видел точно. В голову полезли давние, еще семинарские рассказы, и отец Василий решительно шагнул вперед и сотворил молитву ко Христу.

Фигура никуда не делась.

«Черт! – ругнулся священник. – Се человек!»

Эти простые правила знал каждый семинарист. Если существо подчиняется молитве, значит, ты имеешь дело с духом; если нет – перед тобой существо во плоти. Но человек не может светиться вот так вот, по краям! «Господи боже мой! Неужели демон?!» Отец Василий шумно сглотнул и почувал, как поднялись дыбом волосы на затылке.

– Изыди... – то ли попросил, то ли приказал он и осторожно перекрестил жуткую тень.

Свечение рывком изменилось. Теперь свет вокруг фигуры был каким-то радужным и нечетким. «Подействовало!» – возликовал он и, призвав на помощь святых, размашисто осенил падшее создание крестным знамением.

– Изыди, нечистый! – во всю мощь своих легких гаркнул он.

Что-то звонко ударилось и покатилося по полу, а свет на миг озарил стену и потух. Это был обыкновенный фонарик!

– Человек! – с невероятным облегчением выдохнул отец Василий. – Спасибо тебе, господи! Это – человек. Что только не померещится с перепоя... Ну, я тебе задам! Кто ты и что ты здесь делаешь? – жестко спросил священник, и звук его голоса гулко ударился о стены и вернулся громогласным эхом.

В проникающих в окно слабых лунных лучах было видно, как еле заметная тень слабо зашевелилась.

– Подойди ко мне, – распорядился он.

Фигура метнулась к стене: видимо, человек сообразил, что в лунных отсветах его можно заметить, а у стены стоит крошечная тьма. Священник щелкнул выключателем, но ничего не произошло; похоже, что провода были перерезаны.

– Не прячься, подойди, – сглотнув, повторил отец Василий и двинулся навстречу.

Он прошел не более пяти-шести шагов, когда прямо перед ним выросла тень и что-то болезненно полоснуло по плечу. Священник стремительно перехватил ударившую руку и повернул ее на излом. Звякнуло о пол что-то металлическое, но незнакомец, нисколько не растерявшись, нанес удар ногой, и отец Василий рухнул на спину.

«Спортсмен?» – мелькнула мысль. Человек кинулся к нему, но запнулся в темноте о ногу священника, и через какой-то миг оба покатались по полу, норовя достать до горла противника.

– Кто ты?! – просипел священник.

Противник молчал. Это был очень сильный и цепкий человек, и у отца Василия даже проскочила мысль, что за здорово живешь с ним не справиться. Но в какой-то миг нервы у противника сдали, и он, пытаясь улучшить свою позицию, ослабил хватку. Через пару секунд напряженного пыхтения священник уже перевернул его на живот и пытался завести одну из быстрых, сильных рук противника за спину.

– Кто ты?! Говори! – выдохнул он.

Тот невероятным образом изогнулся, наотмашь ударил отца Василия в лицо и, сбросив его с себя, метнулся к дверям. И когда отец Василий выскочил вслед, в храмовом дворе уже не было ни души, а на вытоптанном снегу – ни следа. Ночной визитер словно растворился в воздухе. Священник покачал головой, трясущимися от напряжения руками затворил двери нижнего храма и, пошатываясь, побрел в сторожку.

Конечно же, Николай Петрович спал. Как суслик! Отец Василий за ногу стащил его с кушетки и сбросил на пол.

– А? Что?! – вскрикнул сторож, но, увидев перед собой священника, испуганно вытаращил глаза.

– Что это с вами, батюшка?

Отец Василий проследил направление его взгляда. Ряса на плече была разрезана, как бритвой, а выглядывающее исподнее было густо пропитано кровью. Он попытался поправить разрезанную одежду и увидел, что ладони его тоже порезаны, и довольно глубоко.

– Спать меньше надо – вот что! – сердито бросил он и вышел.

И только во дворе, полной грудью вдохнув свежего, морозного воздуха, отец Василий понял, почему так рассержен. Его совершенно выводила из себя необъяснимость происшествия. Все его враги остались в далеком прошлом, и никто на этом свете его смерти не хотел. По крайней мере, ему хотелось так думать.

Рана оказалась неопасной, но зашивать ее все равно пришлось – слишком далеко расползлись края, возможно, от усилий, приложенных священником к поимке ночного визитера. Зашивавший священника молоденький врач, кажется, Евгений, явно помнил его еще с прошлого пребывания в больнице.

– Только у меня к вам просьба, – попросил он отца Василия. – Не делайте резких движений. Никакого бокса или плаванья, а то вся моя работа насмарку пойдет! – И улыбнулся, видно, вспомнил, что местному священнику говорить такое почти бесполезно, во что-нибудь обязательно встрянет...

Отец Василий вздохнул и покивал головой. Он и сам искренне намеревался прожить этот день в мире и спокойствии. Да только человек предполагает, а бог... в общем, что там говорить...

Он вернулся домой и как мог успокоил Ольгу. Затем взял большой китайский фонарь и снова спустился в нижний храм. Иконы были на месте, нетронутые серебряные оклады тускло отсвечивали в слабом электрическом свете – все как всегда... Ему стало нехорошо: это явно был не грабитель. А кто тогда? Убийца?

Без происшествий, но и без паствы, практически впустую прошло и второе января, и третье... И только к вечеру третьего числа на улицах началось какое-то оживление, а диакон Алексей принес первые новости третьего тысячелетия.

– Ваше благословение! – Он прибежал, возбужденно сверкая глазами. – Ваше благословение!

Отец Василий поморщился: Алексей никогда не умел сдерживать эмоций и мог, сам того не замечая, повисить голос даже в храме.

– Что еще стряслось? – холодно поинтересовался он.

– Эти!.. Сектанты! Сборище свое устроили! – размахивая руками, сообщил диакон.

– Какие сектанты? – Священник почувствовал, как ухнуло вниз все у него внутри.

– Ну эти, Дети Духа Святого. Вы не представляете, батюшка! – перешел на трагический шепот диакон. – Они говорят, что они местные.

– Как это местные? – оторопел священник. – Что ты такое говоришь?!

– Точно! – кивнул диакон. – Они говорят, что в Америку отсюда, с Поволжья, перебрались.

– Откуда ты только все знаешь? – через силу улыбнулся отец Василий.

– Мне моя... то есть мой друг сказал... – заторопился диакон. – Он у них на собрании был. И знаете, чего они про себя говорят?

– Что? – стараясь выглядеть спокойным, спросил священник, но мысли его панически забегали: «Господи, что же делать?!»

– Говорят, дескать, бог нас любит, поэтому мы и такие счастливые и богатые! Представляете, богохульники какие?! – выпучил диакон глаза. – Как их господь не накажет?!

– Надеюсь, накажет, – сглотнул священник. – А они что, и впрямь... такие богатые?

– Ага, – опустил глаза Алексей, словно был в этом повинен. – У них и машин полно, иномарки там всякие, и вообще всякое такое...

– Предают свои души Маммоне... – осуждающе покачал головой отец Василий. – И сами не понимают, что делают... – Ему было смертельно обидно, что его прихожане, разинув рот, соблазняются иномарками, словно и не говорил Христос: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где воры крадут, и ржа и моль истребляют их...»

– А еще они говорят... – Алексею было сложно это выговорить. – Они говорят... будто они... апостолы божии! – разом выдохнул он.

Отца Василия прошиб холодный пот, и он лишь с огромным трудом сохранил видимость душевного спокойствия. Это было уже слишком.

«Так, – сказал он себе. – Спокойно! Дергаться не резон, мне надо все обдумать!»

– Что делать будем, батюшка?! – панически скопил глаза диакон.

– Ничего мы не будем делать, Алексей, – словно проглотив ком и с трудом сдерживаясь от выражения своих истинных эмоций, покачал головой священник. – Зачем создавать им рекламу? Истинных православных сектантам не соблазнить.

На самом деле он просто не знал, что делать.

– Ну, как знаете... – отступил Алексей в сторону. – Я хотел как лучше.

* * *

Конечно, диакон беспокоился не напрасно. Сектантское зазнайство и впрямь превысило все пределы и выросло до настоящего богохульства. «Все от гордыни человеческой, – думал священник. – Все от нее... Хм, апостолы они, видите ли!» Похоже, что юный отец Николай был прав, предупреждая отца Василия о грозящей невинным христианским душам опасности.

С подобной чертовщиной Усть-Кудеяр уже сталкивался, и не однажды. Несколько лет назад в городке официально зарегистрировалась группа почитателей этого богохульника Николая Рериха, затем объявился и собственный колдун, но,

слава всевышнему, вскорости его вывели на чистую воду и оказалось, что ничего особенного он и не умеет, разве что заговаривать зубы молоденьким бабенкам, на чем он позже, собственно, и погорел...

Некоторые хлопоты доставляли и баптисты, с завидным постоянством, ежегодно прираставшие новообращенными горожанами. Был в Усть-Кудеяре даже собственный кришнаит, правда, в единственном экземпляре. Но вот чтобы кто-то приехал вербовать нестойкие души аж из-за границы... такое случилось впервые.

«Ладно, – решил отец Василий. – Завтра я ими займусь вплотную. В администрацию схожу, документы проверю. В конце концов, знать, с кем имеешь дело, просто необходимо...»

Он еще не ведал, что назавтра события потекут совсем по иному сценарию.

* * *

Первый звонок в храм раздался четвертого января в половине девятого утра.

– Вы что это делаете?! – возмутился неизвестный горожанин. – Почему людям работать мешаете?!

– А в чем дело? – спросил недоумевающий священник: до сего дня ни он, ни кто другой, причастный к православному храму Николая Угодника, никогда и никому свои трудовые

обязанности исполнять не мешал.

– Как в чем?! – возмутился горожанин. – У меня слесаря после праздников и так еле на работу вышли! Насилу упротсил! А тут еще и вы со своей дурацкой акцией выперлись!

– Так! – оборвал собеседника священник. – Объясните толком, что у вас произошло.

– Вы еще невинность из себя строите?! – распалился мужчина. – Устроили мне тут, понимаешь ли, кабак!

Отец Василий ничего не понимал, но и выяснить ничего не успел – рассерженный мужчина уже бросил трубку.

Внутри у священника заныло. Было неясно, почему мужик позвонил именно в православный храм. Пахло какой-то подставой. Отец Василий судорожно перебрал в голове все, в чем он был замешан в последние дни, но, кроме бурно проведенной новогодней ночи и странного недавнего покушения, ничего такого не вспомнил.

Он быстро, даже не накидывая полушубка, вышел во двор, завел свой «жигуленок» и вскоре уже мчался по пустынному городку в сторону улицы Советской. «Не дай бог, до патриархии дойдет! – еще не зная, что именностряслось, внезапно испугался священник. – Хватит с меня проверок! Господи, пронеси!»

Но уже на подъезде к Советской отец Василий понял: не пронесет! Прямо навстречу ему, покачиваясь и зажимая окровавленный рот рукой, брел молоденький милиционер. Такого в Усть-Кудеяре не было давно!

Отец Василий выскочил из машины, чтобы предложить помощь, но парнишка только махнул рукой и побрел дальше. Священник огляделся по сторонам и ничего такого не заметил, но потом увидел нескольких теток у хлебного киоска и подошел ближе – судя по надрывной интонации разговора, бабы что-то знали.

– Мой-то... – возмущенно всплескивала руками толстуха. – С утра в стельку приплелся! Ну, никакой! Я ему, откуда деньги, зараза, взял?! А он мне: есть, говорит, люди добрые на свете, вы представляете?!

– Что происходит, бабоньки? – вмешался он. – Кто-нибудь объяснит, что стряслось?!

– А вы еще два квартала пройдите и сами все увидите! – махнула рукой толстуха.

Он проехал, куда показали, и увидел столпотворение возле застекленного супермаркета. Священник спешно припарковал машину за автобусной остановкой и выскочил наружу.

Прямо возле остановки стояли два милицейских «жигуля», а рядом – растерянные, не знающие, что делать, милиционеры. Офицер напряженно вслушивался в то, что ему передавали по рации, и тут же отвечал, но, что именно, священник из-за шума не услышал. Отец Василий перевел взгляд и вздрогнул: толпящиеся у супермаркета люди, казалось, потеряли разум.

– Куда ты прешь?! – орали в черной, непрерывно и хищно копошащейся толпе. – Глаза не видят?! Так я тебе под-

свечу!

– Ай, мама! – раздался пронзительный женский вопль. – Куда, падла, лезешь?!

Внезапно что-то заскрипело, затрещало, и над улицей пронесся скрипучий мегафонный голос.

– Братья и сестры! Друзья! Господь любит вас! Помните это, и ваша жизнь наполнится изобилием!

«Господь?! А при чем здесь господь?! – отец Василий встревоженно взгляделся. Над толпой возвышался человек в черном одеянии и с мегафоном в руке. Во всей этой нескладной фигуре угадывалось что-то до предела знакомое... – Чертовщина какая-то, – подумал он. – Одет как монах, и выражения наши, православные...»

– Подходите, братья и сестры! Пусть никто из вас не уйдет с пустыми руками и холодным сердцем! – снова прогремело над Советской.

Отец Василий решительно двинулся вперед, но, лишь продравшись через толпу метров на восемь, понял, что здесь происходит. В кузове окруженной народом грузовой «газельки» стояли ящики с водкой, и здесь же, в кузове, три мужика беспрерывно откупоривали бутылки, наливали зелье в прозрачные одноразовые стаканчики и протягивали их вниз, к поднятым словно в молитвенном порыве рукам.

– Сюда давай, братан, – просили снизу. – Мне...

– Господь любит вас! – говорили одетые в черное «бармены» каждому, получившему стаканчик. – Помните это, и ва-

ша жизнь наполнится изобилием! Господь любит вас...

Отец Василий растерялся. Происходящее выглядело совершенно противоестественным.

– Во, и я причастился! – удивленно и восторженно произнес бичеватого вида мужик и утер губы рукавом засаленной телогрейки.

Здесь вообще явно собрался народ из социальных низов. Потрепанные жизнью лица, заплывшие бессмысленные глаза, поношенная одежда... Но устроителей действия это, похоже, ничуть не смущало: они щедро наливали стакан за стаканом, даже не особенно заботясь о том, чтобы кто-нибудь не прилип к машине слишком надолго. Впрочем, за этим присматривали напирające сзади...

– Эй, мужик! – орал он. – Получил свое, отойди! Дай и другим опохмелиться!

Отец Василий еще раз взгляделся в костистое лицо мужика с мегафоном и вспомнил! Точно! Это был тот самый... именно его они с Толяном и Костей выручили темной праздничной ночью первого января в Шанхае! Костолицый поймал на себе взгляд священника и широко, приветливо улыбнулся.

«Чертовщина! – повторил отец Василий и начал продираться назад, к машине. – Настоящая чертовщина!»

Священник задумчиво прошел к своим «Жигулям», когда услышал сзади очередной призывный вопль из мегафона:

– Вы – дети божии! Вы – дети Духа Святого! Помните это,

и ваша жизнь наполнится изобилием!

Отец Василий резко повернулся и почувствовал, как похолодело у него все внутри.

«Дети Духа Святого!» – именно так он сказал. А тогда, у забора он произнес: «Очень приятно, коллега»... «Коллега»... Все предельно ясно: это сектанты, те самые...»

Отец Василий затравленно огляделся, но везде видел только бессмысленные пьяные рожи – взывать к разуму было бесполезно. Он снова глянул на костолицего, но тот весь был сосредоточен на своем богопротивном деле.

– Эй, вы там! – позвал священник. – Немедленно прекратите!

Ноль внимания.

– Эй, в машине! Я к вам обращаюсь!

То же самое.

– Шел бы ты, батюшка, отсюда... – дыхнули ему в ухо многодневным перегаром. – А то, смотри, накостыляют...

Священник вспомнил встреченного по пути парнишку-милиционера с разбитыми губами, развернулся, широким шагом направился к милицейским машинам и поймал офицера за рукав.

– Ты что, не видишь ничего?! Они же общественный порядок нарушают! – требовательно ткнул он пальцем в толпу. – Это же распитие в общественном месте!

– Да вижу я, батюшка! – сердито отмахнулся милиционер.

– Так прекратите это паскудство! – вспыхнул священник.

– Вы думаете, мы не пытались?! – рассвирепел милиционер. – Что вы от меня хотите?! У нас после праздников три четверти личного состава в отгулах!

– Этих вы и сами могли бы разогнать, – ткнул пальцем в обшарпанную толпу священник.

Офицер зло дернул головой.

– Вы думаете, батюшка, в городе только одна такая точка?! – спросил он. – То же самое и на Комсомольской творится, и на Первомайской, и на Планерной! Они по всему городу этот балаган устроили!

«Надо в УВД ехать! – понял священник. – На них пока не надавишь, не пошевелиятся!»

* * *

Не откладывая дела в долгий ящик, отец Василий проехал в УВД, зашел к исполняющему обязанности начальника Скобцову, но тут же убедился, что ругал ментов напрасно. Аркадий Николаевич уже мобилизовал всех, кто был в его распоряжении, и послал на разгон сборищ... Но, увы, административная машина была слишком медлительна, и к этому времени вся водка во всех четырнадцати точках целиком перекочевала в желудки жаждущих опохмела, и вопрос был исчерпан сам собой. Пришлось задерживать и штрафовать зачинщиков, и не думавших никуда скрываться.

А на следующий день сектанты нанесли новый удар.

За полчаса до того отец Василий немного пришел в себя от вчерашнего бедлама. Утренняя служба прошла нормально, и теперь он мирно вкушал квашеную капустку. Тут дверь бухгалтерии распахнулась, и в комнату влетел Алексей.

– Ваше благословение, смотрите! – выдохнул он и разостлал на столе номер «Усть-Кудеярского вестника».

– Что там еще? – Священник отставил тарелку в сторону.

– Снова они... – трагическим шепотом произнес Алексей.

Священник растерянно глянул на газету. Здесь на весь разворот шла статья со знакомым костистым лицом на большой фотографии. «Бог любит вас», – прочитал отец Василий заголовок и, забыв даже про капустку, впился глазами в текст.

Чем дальше он читал, тем жутче ему становилось. Статья определенно была заказной и, скорее всего, щедро оплаченной. Никаким другим образом этот кошмар в рупоре местной администрации появиться не мог. На всю страницу было тщательно расписано, какие они хорошие да законопослушные, эти «Дети Духа Святого». И из России уехали, дабы сохранить истинную веру, и назад вернулись из самых гуманистических и патриотических соображений. Мол, экономику поднимать будем, людям помогать, а потом все вместе, дружно и с молитвой начнем делать бизнес, да так, что Америка

позавидует! А внизу, под статьей уже были размещены адреса свежееобразованных сектантских фирм, скупающих зерно и скот и предлагающих ГСМ.

«Ну, это у вас вряд ли выйдет!» – злорадно хмыкнул отец Василий. Насколько он знал, ни зерна, ни скота, целиком принадлежащего сельчанам, в бывших совхозах давно не осталось: все уже или вывезли, или скупили на корню.

– Что скажете? – спросил диакон.

– Ничего не скажу, Алексей, – покачал головой отец Василий. – Но думаю, что это делодохлое. Не выйдет у них ничего.

– Вы что, батюшка? – изумленно уставился на него диакон. – А лекция? Вы же сами говорили, что идеи – это самое опасное!

– Какая лекция? – в свою очередь удивился священник.

– Да вот же! В самом центре объявление стоит!

Священник присмотрелся и охнул. Так и есть! В самом центре газетной полосы, прямо под фотографией, крупным шрифтом было набрано объявление, извещающее, что пятого января в районном Дворце железнодорожников состоится лекция с демонстрацией чудесных исцелений, бесплатным снятием порчи и сглаза и рассказами людей, ставших очевидцами более крупных чудес...

– Ни хрена себе! – только и смог вымолвить отец Василий. – Так это же сегодня!

– Чего делать-то будем? – чуть не плача, уставился на него

диакон.

Священник задумался. Более всего он хотел бы лично заявиться на это сборище и, подобно Христу, изгнавшему торговцев из храма, сделать им всем «козью морду». Но он тут же себя одернул: ясно же, что своим присутствием он только добавит ажиотажа вокруг этих пакостников. И наконец решился...

– Значит, так, Алексей, – строго посмотрел священник на диакона. – Пойдешь туда и посмотришь, чем они там будут заниматься, а потом быстро ко мне. Расскажешь, как и что... Давай! Одна нога здесь, другая там!

В глазах Алексея появился да так и застыл ужас.

– Я?!

– А кто? Я, что ли? – с раздражением переспросил священник.

Алексей громко сглотнул и посмотрел так жалобно, так убито, что у отца Василия на душе заскребли кошки.

– Ну? Чего еще? – недовольно спросил он.

– Узнают ведь...

– И что?

– Морду набьют... – опустил глаза долу Алексей.

– Дураком не будешь, не набьют, – поучительно сказал отец Василий. – В мирское переоденься, волосы под шапку, и вперед! Все! Дискуссия окончена.

Оставшись один, отец Василий прошел в пустой, безлюдный храм и долго молился у иконы Христа Спасителя, но ни успокоения душе, ни прозрения не получил. Так всегда бывало, когда он что-то делал не так... «Не надо было мне Алексия посылать! – тоскливо осознал он. – Такое искушение для молодой, нестойкой души!»

– Бог в помощь! – услышал отец Василий бодрый, сильный голос и оглянулся. В дверях стоял... костолоицый.

Священник невпопад кивнул и замер. Чего-чего, а этого визита он не ожидал.

– Вы?!. – оторопело произнес отец Василий, хотя должен был сказать: «Что тебе здесь делать, прислужник сатаны?!»

– Ага, – улыбнулся костолоицый. Он неторопливо прошелся по храму, острым взглядом окидывая храмовую утварь, и остановился прямо напротив священника. – Ладненько храм восстановили, почти как было.

– Тот же проект, – проглотил слюну священник и подумал, что сектанты, кажется, не ввали, когда говорили, что их деды родом из этих мест. То, что храм когда-то был снесен, могли знать только местные.

– Вижу, – кивнул костолоицый. – Жаль только, что здесь глухая стена – в старом проекте на этом месте окна были...

Священник оторопел. Действительно, в старом храме бы-

ло на два окна больше, но, когда проект восстановления храма рассматривался в патриархии, там, бог весть из каких соображений, решили некоторые детали изменить. Но такие подробности знали только в той же патриархии, да три-четыре всерьез изучающих историю края устькудеярца...

– Удивлены? – усмехнулся костолицый. – Не удивляйтесь. Мы здесь всерьез и надолго... Кажется, так говорил Владимир Ильич?

Священник недружелюбно посмотрел на сектанта.

– Не бойтесь, что господь накажет? – тихо спросил он.

– Нет, не боюсь, – широко улыбнулся костолицый. – Нас господь любит.

Он так подчеркнул это «нас», что каждому должно было стать совершенно ясно: православную церковь и вообще всех прочих господь любит куда как меньше.

– Гордыня в вас говорит, любезный, – покачал головой отец Василий. – Покаялись бы, пока адское пламя вас не коснулось!

– Меня?! – костолицый с иронией ткнул себя пальцем в грудь и захохотал. – Я же говорил вам: господь нас любит!

Отец Василий с трудом подавил в себе желание схватить самозванца за шиворот и выволочь из храма и лишь в последний момент сдержался.

– Меньше бы вы боялись, ваше благословение! – отсмеявшись, промолвил костолицый. – Хватит страшилок! И сами себя запугали до смерти, и народ пытаетесь запугать! Вот

только не выйдет у вас ничего! Люди, они чувствуют, где их просто пугают, а где по-настоящему любят.

– Это у тебя ничего не выйдет! – выдавил сквозь зубы священник. – Пошел вон!

– Нервишки у вас, однако... – усмехнулся визитер. – Вам, батюшка, лечиться надо... Не думали над этим?

– Пшел, я сказал!!! – заорал отец Василий.

– С превеликим удовольствием, – галантно поклонился костолоицый и, размахивая длинными руками, с высоко поднятой головой вышел в храмовые двери.

Отец Василий так разволновался, что даже не сообразил подумать, а для чего, собственно, один из «этих» сюда заперся. С какой такой целью? Он выскочил во двор, долго ходил вокруг храма, старательно вдыхая свежий морозный воздух и стараясь привести себя в норму. Ему казалось, что храм посетил сам нечистый в одном из своих обличий...

Лишь через четыре часа, когда в ворота вбежал растрепанный, растерянный диакон Алексей, он смог немного взять себя в руки – предстать перед диаконом растерянным он не хотел.

– Ваше благословение! – кинулся к нему Алексей. – Вы не представляете! Это ужас!

– Рассказывай, – жестко распорядился священник.

То, что поведал диакон, подтверждало самые худшие опасения отца Василия. Похоже, здесь и впрямь правил бал сам сатана!

Сначала заморские миссионеры читали выдержки из Ветхого Завета и примерами из жизни доказывали их полную и абсолютную актуальность, так, словно мир и не слышал заповедей Иисуса Христа. «Око за око и зуб за зуб!» – говорили они, и в зале тут же находился кто-то из уже завербованных сектантами адептов, на личном примере подтверждающий, как это здорово – следовать ветхозаветным принципам.

А потом начались свидетельства о чудесах. На огромную сцену Дворца железнодорожников вприпрыжку выбегала какая-нибудь тетка и начинала с энтузиазмом рассказывать, как до уверования в то, что господь действительно любит ее, она весила сто пятнадцать килограммов и никак не могла остановиться. Но потом господь снизошел на нее, и – вот, посмотрите! – я вешу шестьдесят восемь!

И это были только цветочки... За целой чередой чудесно похудевших теток последовала такая же длинная череда мужиков, бросивших пить, юнцов, прекративших колотья, и успешно выскочивших замуж престарелых девиц.

«Главное, поверить, что господь вас любит и всегда любил! – заканчивалось каждое выступление и каждое очеред-

ное свидетельствование о чуде. – Поверьте в это, и в вашем доме поселится изобилие, а в ваших сердцах – покой и счастье!»

Отец Василий слушал и судорожно сжимал и разжимал кулаки. Он чувствовал себя бессильным против этой по-американски технологичной «шоу-машины». Сначала – бесплатная водка, чтобы поднять ажиотаж, теперь вот чудеса... а что будет завтра?

– Но и это еще не все, – сглотнул диакон. – Они сказали, что дадут нам работу!

– Нам?!

– Ну... народу. Фирм, говорят, понаоткрываем! Производства подыдем! Представляете?! И деньги, сказали, будем платить каждую неделю, как в Америке! Во мудаки, правда?

Отец Василий чуть не зарычал. Это уже пахло откровенной аферой. Священник не был слишком силен в экономике, но то, что у нас, как в Америке, не будет никогда, знал твердо.

– И как скоро они нас осчастливят? – ядовито поинтересовался он у диакона.

– Говорят, в течение полутора месяцев, – виновато пожал плечами Алексей.

«Точно афера!» – сказал себе священник. Он вздохнул и понял, что отчаянно боится задать главный вопрос: а как же на это отреагировали сами устькудеярцы. Но Алексей, словно услышал его немой вопрос, отвел глаза в сторону и тихо

сказал:

– Они поверили...

– Что?! – Отец Василий не мог и предположить такой простодушной наивности.

– Они во все поверили.

– Но почему?!

– Они действительно начали помогать. Прямо там... – начал Алексей.

Священник слушал, не перебивая. Случилось самое страшное – сектанты не ограничились водкой и голословными обещаниями. Прямо там, в зале Дворца железнодорожников, начались массовые исцеления от самых разных болезней.

– Там даже Вера была, – тихо сказал Алексей.

Священник сжал челюсти. Если на это сборище пошла даже Вера, когда-то лично им вытасченная из клоаки под названием «проституция», а позже лично им приобщенная Таинств Христовых, значит, дело еще серьезнее, чем он думал... И намного серьезнее.

* * *

В тот день он так и не решился что-либо предпринять, а на следующий был сочельник, и он оказался загружен до предела. В храме наконец-то появились прихожане, но священник видел, что все их мысли далеко отсюда, и вообще далеко от

господа... Народ переговаривался, выглядел возбужденным и исчезал из церкви так же стремительно, как и появлялся. Отец Василий старался изо всех сил, но ничего изменить не удалось: в Усть-Кудеяре словно сам воздух был пропитан грехом.

Во второй половине дня он сумел-таки вырваться и навестить Веру, прямо в шашлычной, но и здесь все пошло не так. Официантка отвечала односложно, виновато прятала глаза, и душеспасительного разговора не получилось.

– Батушка! – отозвал отца Василия в сторону хозяин шашлычной Анзор, а когда он подошел, жарко зашептал на ухо священнику: – Оны ее ат балэзни вылечили.

– Какой? – удивился отец Василий.

– Чево-то по жэнскы. Правда, вылечили! Я вижу. Вэс дэн она улыбаэтся... Там кароши врачы!

Священник пригляделся и признал: да, Вера и впрямь выглядела намного лучше: кожа порозовела, глаза блестят, а улыбка так и рвется наружу. Ему стало больно. Всегда обидно, когда человек платит за мирское благополучие тем главным, что в нем есть, – своей бессмертной душой.

– Отец Василий! – весело позвали его с другого конца шашлычной. – Батюшка! Идите сюда!

Священник обернулся: неподалеку с полными шампурами шашлыка в руках стоял Толян. Отцу Василию разом полегчало: видеть это простое, хорошее лицо было приятно. И если бы не воспоминания о событиях новогодней ночи, все

было бы просто прекрасно.

– Идемте! Я угощаю! – снова позвал его Толян.

Отец Василий улыбнулся и подошел.

– Сегодня же сочельник, Толя, ты что... Самый строгий пост.

– Жаль, – искренне вздохнул Толян. – И чего вы в священники пошли? С виду нормальный мужик! Ели бы себе чего хотели; жили бы как душа попросит...

– Моя душа так и просит... – тихо сказал священник.

– Ой ли? – хитро посмотрел на него Толян. – Видел я, как вы махались! Знатно! И удовольствие, по-моему, получили – на всю катушку!

Отец Василий смутился и начал торопливо переводить разговор в другое русло.

– У тебя-то как дела? – спросил он.

– Нормально! – радостно разулыбался Толян. – Этим, американцам, грузы на остров со станции вожу. Лед, правда, еще тонковат, риск есть, но и платят, я вам скажу! Мне столько и не снилось!

– Какой остров? – спросил отец Василий: он чувствовал себя так, словно по нему проехал каток: «И Толян с ними!»

– Известно какой: Песчаный. Они там себе целую резиденцию арендовали. Та-аки-ие апартаменты, я вам скажу... Нет, честно! Эти ребята действуют с размахом.

Еле сдерживаясь, чтобы не заорать или не натворить чего еще, отец Василий слушал, кивал, поддакивал, а затем по-

прощался и медленно побрел к машине.

«Теперь и Толян с ними! – повторял он всю дорогу до храма. – Теперь и Толян...» Это было нестерпимо. «Мы здесь надолго» – кажется, так сказал этот костолицый... или нет: «Мы здесь всерьез и надолго!» Целые апартаменты на Песчаном сняли! Надо же! Тогда они и впрямь здесь надолго...

Он подъехал к храму и включился в обычные свои заботы, но что-то в нем уже окончательно изменилось. Священник чувствовал, что относиться к ситуации столь же беспечно, как пару дней назад, он уже не сможет никогда. Ему постоянно казалось, что число прихожан в его храме резко снизилось, и это было обидно. Не говоря уже о том, что за каждым нечаянным вздохом попадьи отчетливо читалось: «Как же мы с такими пожертвованиями проживем?»

Он чувствовал глубокую внутреннюю порочность этих приезжих, а костолицый миссионер и вовсе вызывал странные, сродни страху, чувства. Но как объяснить, как донести до людей все, что он видит и чувствует? Священник лишился ясности ума и спокойствия сердца.

* * *

Сочельник пролетел стремительно. Отец Василий даже не заметил, как за окнами храма стемнело, день подошел к концу, а до Рождества Христова осталось буквально несколько часов. Никого из прихожан уже не было, и он аккуратно за-

крыл храмовые двери и торопливо двинулся в бухгалтерию – следовало немного подкрепиться и отдохнуть, с тем чтобы с новыми силами продолжить служение...

Олюшка накормила его, а затем, когда он прилег, бережно укрыла пледом. И лишь к трем утра разбудила нежным поцелуем.

– Вставайте, – тихо сказала она. – Пора готовиться...

Священник открыл глаза. Ему было на удивление хорошо. В душе поселился покой, тело отдохнуло, а разум был ясен и светел. Отец Василий поднялся, неторопливо умылся, попил компота из сухофруктов, оделся и вышел во двор.

Шел снег. Крупные, мягкие хлопья бережно опускались на серые утоптаные тротуары и обтаявшие за время последней оттепели газоны. Природа искренне радовалась великому христианскому празднику. Священник неторопливо двинулся вокруг храма, всей душой ощущая царившее вокруг благолепие... У стены мелькнула тень, и священник улыбнулся мелкой, пугливой мысли. Но у дверей в нижний храм он все-таки приостановился и внимательно огляделся по сторонам: забор, двор, дверь...

Уже в следующий миг отец Василий почувствовал, как зашевелились мелкие волоски на его шее и руках: дверь в нижний храм была распахнута настежь, и мягкие белые хлопья летели внутрь, устилая короткую лестницу.

– Господи, помилуй! – взмолился он, кинулся по ступенькам вниз и щелкнул недавно отремонтированным выключа-

телем.

Внутри словно прошел Мамай! Иконы оказались безжало-стно содраны со своих мест, оклады помяты, а стекла вар-варски разбиты. По стенам словно кто-то в неистовой зло-бе молотил гигантской кувалдой, а на полу тонкими мело-выми линиями были выведены круги, пентаграммы и стран-ные, зловещие символы и буквы!

Отец Василий стремительно развернулся, выскочил во двор и, пригнувшись к снегу, словно ищейка, помчался по свежему, отчетливо видному в лунном свете следу.

Он миновал целых два квартала, когда заметил вдали тем-ную мужскую фигуру. Человек бежал, широко размахивая руками и легко перепрыгивая через гнилые бревна и ко-гда-то брошенные строителями куски свай. Он определенно не знал, что за ним кто-то гонится, и даже не оглядывался. И тем не менее, несмотря на то что священник прибавил ходу, дистанция между ними продолжала увеличиваться. А когда вдоль дороги потянулись однообразные шанхайские бараки, человек просто исчез – словно растворился в воздухе. Неко-торое время отец Василий еще пытался «взять след», но ми-нут через пятнадцать, осознав бесплодность своих попыток, побрел назад. Плечо саднило, по груди текло что-то мокрое, и он понял, что швы, наложенные после нападения на него в храме, разошлись. Но заниматься собой было некогда, нуж-но было звонить в патриархию.

– Ничего не трогайте. Мы высылаем специалиста, – только и сказали в патриархии.

– Как я могу это не трогать?! – прорычал отец Василий. – Сегодня же Рождество!

– Не беспокойтесь, он успеет, – строго заверили его на том конце провода.

– Может, в милицию позвонить? – предложил священник. – Вдруг у них данные на этих сатанистов есть?

– Вы лучше поспешных выводов не делайте и до приезда нашего специалиста лучше ничего не предпринимайте, а просто подождите, – мягко, но настойчиво сказали отцу Василию и положили трубку.

Священник застонал и снова кинулся в нижний храм.

– Вам помочь?! – крикнула вслед все слышавшая Ольга.

– Нет, Олюшка! Тут ничем не поможешь... – отмахнулся отец Василий. – Ради бога, не выходи никуда!

В мгновение ока он снова оказался в нижнем храме и коснулся пентаграммы рукой. Меловая линия кое-где была стерта, словно богопреступник пытался уничтожить следы своего пребывания как раз в те секунды, когда священник столь неторопливо обходил территорию... Отец Василий еще раз осмотрел жуткие выбоины в штукатурке стен и помятые оклады и, схватившись за голову, выбежал наружу;

он совершенно не представлял, как успеет устранить все это до того, как появятся прихожане.

Чтобы не разорваться от горя, он занялся подготовкой к празднику, но плечо болело слишком сильно, и он, осторожно сняв рясу, глянул на порез. Так и есть! Стянутая швами кожа полопалась, и теперь из-под нее обильно сочилась кровь. Священник вздохнул и понял, что к врачу идти все равно придется...

* * *

В приемном покое его встретил тот самый молодой хирург, что накладывал ему швы в прошлый раз. Он глянул на рану и застонал от неудовольствия:

– Я же говорил вам, батюшка: никакого бокса! Такие швы красивые были! А теперь вся моя работа насмарку! Вы чем вообще думаете? А, батюшка?!

Священник лишь виновато пожал плечами.

Он терпеливо дождался, когда хирург стянет вместе и сошьет края раны, со скорбным видом выслушал все, что сказал ему расстроенный врач, вернулся в храм, но мысли все равно были только об одном: что теперь делать. Конечно, некоторое время в нижний храм можно не спускаться. А если принесут крестить младенцев?! А их точно принесут! Он не знал, что делать.

Но спустя каких-то три часа после звонка в Москву, как

раз в тот момент, когда хор запел «Честнейшую Херувим», в храмовых дверях возникла Ольга, а рядом с ней – высокий крупный бородатый мужчина.

«Он!» – понял отец Василий и удивился, до чего же быстро прислала патриархия своего специалиста. Мужчина деловито кивнул отцу Василию, спросил о чем-то Ольгу, и они вместе вышли во двор.

Только на кратчайшем перерыве священник сумел вырваться и бегом помчался в нижний храм. И Ольга, и посланец патриархии были еще здесь. Москвич, судя по всему, уже закончил осмотр места происшествия и прятал в карман компактную «мыльницу».

– Не беспокойтесь, ваше благословение, – даже не представившись, сразу сказал он.

– Как так не беспокоиться?! – оторопел отец Василий.

– Это не сатанисты, – покачал головой москвич. – Кстати, ко мне можете обращаться «отец Михаил»...

– А кто тогда? – растерялся отец Василий.

– Гляньте на пентаграмму, посмотрите, как она расположена по сторонам света и по отношению к двери, – предложил москвич. – Так ее никогда не располагали ни в Польше, ни в Словакии, не говоря уже о России... Это вообще не европейская традиция, и уж тем более не славянская.

– Американцы! – выдохнул священник.

– Да, возможно, Аргентина... – потер лоб москвич.

– Нет! Я хотел сказать, это все американцы сделали!

– Не понял? – вопросительно посмотрел на него москвич.

– «Дети Духа Святого»! – с готовностью пояснил отец Василий. – Они здесь около недели назад завелись!

На какое-то мгновение на широкий, открытый лоб москвича набежала тень.

– Вряд ли это «Дети Духа», – покачал он головой. – Они этим не занимаются...

– А кто тогда? – Отец Василий не мог поверить, что его версия вот так с порога отбрасывается.

– Главное, ответить на вопрос «зачем», – пояснил москвич. – А тогда и все остальное станет понятным. А здесь... вы знаете, у меня такое ощущение, что этот обряд вообще не имеет никакого отношения к духовной области; я бы все это скорее назвал интеллектуальным хулиганством. Человек определенно знал что делает, но никаких особых целей не преследовал.

Отец Василий вздохнул. Если честно, он и половины из сказанного не понял. Что значит «интеллектуальное хулиганство»? И как это он знал что делает, а целей не преследовал? Зачем тогда вообще сюда приходить?

– Отец Михаил, – дернула за рукав москвича Ольга. – Уже можно прибираться?

– Подожди, Олюшка, – вмешался отец Василий. – Не тебе в твоём положении здесь работать.

– А кому? – резонно возразила попадья. – Если кого-нибудь звать, на завтра весь Усть-Кудеяр узнает!

Священник задумался. Ольга была права: не стоило разглашать этот щекотливый факт, а пригласи они кого-нибудь из посторонних, и в тот же день слухи пойдут по всему городу – это уж как пить дать. Отец Василий глянул на часы: он уже опаздывал к продолжению праздничной службы.

– Я помогу, – кивнул москвич. – Уберем, и даже следов не останется. Идите на службу...

Отец Василий благодарно глянул на гостя и с облегчением кивнул.

* * *

Только поздним вечером смертельно уставший от свалившихся на него испытаний священник смог нормально пообщаться с московским специалистом. Отец Михаил оказался умным, подкованным в своем деле мужиком, и, если бы не эта трагедия, отец Василий получил бы искреннее удовольствие от неторопливой, ненапряженной беседы с ним.

Где-то в середине беседы у священника промелькнула мысль, что вся эта чертовщина – только прикрытие и что, возможно, истинной целью преступника было убить его, прямо в храме, чтобы исполнить какой-нибудь сатанинский обряд, и только неведомая случайность, только божий промысел отвел руку мерзавца! И он, запинаясь от волнения, рассказал о своих скорбных мыслях гостю. В конце концов, порезали его в прошлый раз по-настоящему!

Но москвич, даже выслушав рассказ усть-кудьярского священника о нападении в нижнем храме, никаких аналогий с тем, что произошло сегодня, не усмотрел. Отец Михаил явно не думал, что отца Василия хотели, предположим, принести в жертву какому-нибудь свирепому божеству... Хотя сам же признавал, что прецеденты человеческих жертвоприношений в России уже есть и число их, несмотря на старания церкви и властей, постоянно растет.

– Главная опасность сатанистов, – попивая компотик, объяснял отец Михаил, – они сами. Никаких реальных проявлений нечистой силы я, признаться, за восемь лет работы не встречал. Жестокость – да, насилия – хоть отбавляй, но ни серой, ни селитрой, хоть в прямом смысле, хоть в переносном, нигде не воняло...

– Ой, слава тебе, господи! – всплескивала руками внимательно прислушивающаяся к беседе мужчин попадья.

– Хранит бог Россию! – с чувством вторил ей отец Василий.

– Я тоже так думаю, – кивнул москвич. – Было, правда, что вызывали нас на место посадки НЛЮ – прямо на монастырские поля, стервец, сел, здесь недалеко, в Перми... пару десятков раз приходилось заново освящать оскверненные объекты, но это все, как вы сами понимаете, обычное наше служение, можно сказать, работа...

– А что все-таки у нас произошло? – снова поворачивал разговор в интересное его русло отец Василий.

– Если расшифровать буквальное значение символов, то это защита от духов небесных сфер и призвание духов земли. Вот, в общем-то, и все... И мне совершенно неясно, почему этот обряд проведен в храме и был ли он проведен вообще.

– Как это был ли он проведен? – изумился отец Василий. – Вы же сами знаки видели!

– Не только видел, – напомнил отец Михаил. – Я их смысвал... Но, понимаете, знаки можно и просто так нарисовать. По крайней мере, какой-либо причины призывать духов земли в нижний храм я не усматриваю... Смысл? Что там с ними делать?

Они проговорили до самого утра. Отец Михаил детально рассказал усть-кудьярскому священнику и о страшных, кровавых обрядах, все чаще происходящих в крупных городах, и о проблемах с католиками в западной части славянского мира, и то немногое, что знал о «Детях Духа»...

Эта странная секта не считала Иисуса господом, признавая за ним лишь статус апостола божия, и охотно сама производила своих духовных руководителей в апостолы, как бы приравнивая их этим актом ко Христу.

– Ну и как с ними бороться? – спросил отец Василий.

– Только словом божиим, – покачал головой москвич. – Только словом... Других методов у православной церкви не было, нет, да и не будет, пожалуй.

Отец Василий отвез москвича на автовокзал в половине шестого утра, а сам принялся готовиться к новому дню, когда по местному радио сообщили о футбольном матче, организованном «Детьми Духа» на льду Волги в честь рождения апостола божия Иисуса Христа. На матч, который должен состояться в одиннадцать часов дня, приглашались все желающие. И это был верх наглости... «Господи! Чем только этот Медведев думает?! Задницей, что ли? – неприязненно ругнул главу районной администрации отец Василий. – Разве можно им такую рекламу делать?!»

Сектанты действительно разворачивались по-американски: с размахом и максимальной зрелищностью. С футболом они тоже не ошиблись – усть-кудеярцы это дело всегда любили и наверняка не пропустят матч, а значит, снова будет реклама, снова будут охмуренные заморскими миссионерами души. Отец Василий вспомнил, сколь до обидного немного пожертвований получил храм в это Рождество, и пригорюнился: такими темпами он свой дом и за десять лет не достроит. Нет, с этим надо было как-то кончать!

Он с трудом довел утреннюю службу до завершения и, еще раз отметив, как мало теперь в храме прихожан, посадил диакона Алексея в машину и рванул на Волгу.

Как и ожидалось, поле расчистили прямо напротив новой пристани. Обрадовавшись такой бесподобной возможности заработать, владельцы двух прибрежных магазинчиков и одной кафешки арендовали где-то пластиковые столы и стулья и оккупировали всю гладкую дощатую поверхность причала. Всюду дымили мангалы, а мужики беспрестанно разгружали постоянно курсирующие между складами и пристанью «газельки» с пивом.

Народу и впрямь было много. Привыкшие за время новогодних каникул к безделью и незамысловатым развлечениям пацаны, безработные мужики, праздная молодежь обоего пола – все пространство между пристанью и подчищенным от свежесвыпавшего снега полем было заполнено людьми.

Отец Василий протолкался сквозь толпу и увидел то, что и ожидал. Костолицый давал последние напутствия обеим своим командам. «Умен мужик, – цокнул языком священник. – Теперь, кто бы из них ни выиграл, главный приз – человеческие души – достанется ему!»

Вышел на поле судья в коротких желтых портках, быстро рассредоточились по полю игроки, и народ принялся лениво потягивать пиво, обсуждая вышедших на поле.

– Смотри-ка, и Колян с ними! – услышал священник.

– Да ну! Где?!

– Возле ворот, видишь? Да куда ты смотришь?! Правее!

Отец Василий стоял и понимал, что ошибся. Когда он ехал сюда, внутри у него была твердая уверенность, что он обязательно что-нибудь придумает. Но вот он здесь, а ни одной светлой мысли так и не пришло. А костололицый тем временем все набирает и набирает очки.

Игра началась стремительным прорывом одной из команд к воротам соперника, и народ одобрительно загудел: действие началось, и началось красиво. Священник вздыхал, потирал шею, переминался с ноги на ногу, морщился и вдруг понял, как соскучился по футболу. Сектанты очень точно рассчитали, что именно следует сделать. Но когда закончился первый тайм и судья объявил перерыв, а мужики тронулись с места, чтобы по новой затариться пивом, все внезапно изменилось. Из толпы раздался разбойничий посвист, и народ, предчувствуя какую-то потеху, возбужденно зашевелился.

– Эй ты! Долговязый! – прокричал кто-то знакомым скрипучим голосом.

Костолицый внимательно оглядел толпу. Он явно не относил себя к категории «долговязых», но понимать, что происходит среди зевак, был обязан.

– Да-да! Я тебе говорю! Чего вы там друг другу дробите?! Давай по-настоящему сыграем!

Отец Василий вывернул голову. Прямо на пристани, раскачивая ногами, сидел тот самый мужик, от которого новогодней ночью они с Толяном отбили костололицего... его то-

гда назвали Маконей. «Вот, блин! – ругнулся священник. – Я точно помню эту кличку! Но откуда?»

– А-а! Старый знакомый! – откликнулся костолицый. – Подожди уж своей очереди, будь добр... А потом я и тебя на поле пушу...

– Не ссы, долговязый! Если ты мужик, давай, не выеживайся! Об че спорим, наши ваших надерут!

– А кто это «ваши»? – холодно поинтересовался костолицый.

– Да хоть кто! Лишь бы не строили из себя одуванчиков, как твои! Хочешь, прям щас команду наберу?

Это был вызов. Толпа замешкалась и замерла, миг забыв даже о пиве.

– Ловлю на слове, – спокойно принял вызов костолицый. – Наберешь команду за десять минут, будешь играть. А если не наберешь, тогда извини...

Отец Василий сглотнул. Более всего на свете ему захотелось скинуть рясу, выскочить на скользкое, слегка присыпанное снегом поле и показать этим мерзавцам, что такое настоящий футбол!

– Пацаны! – вскочил на ноги Маконя. – Кто со мной?!

Толпа зашумела.

– Давай, пацаны! – призвал Маконя. – Покажем этим святошам!

Отца Василия передернуло. Определение было не вполне уместное.

– Я с тобой, Маконя! – пьяненько крикнули из толпы. – Подожди меня, я с тобой!

Отец Василий с нарастающим интересом наблюдал за развитием событий. Маконя спрыгнул с причала на лед и начал продираться к полю, на ходу агитируя подвыпивших земляков составить ему компанию. Но народ откликаться не торопился. Так что, даже когда время почти вышло, возле Макони собралось всего-то шесть человек – не вполне трезвых и не самых спортивных. И в этот миг отец Василий вспомнил! Конечно же, он знал Маконю! Еще по школе...

Если быть точным, то Маконя учился не в его школе, а во второй. Даже до восьмого класса добрался с трудом. Но уже тогда, несмотря на юный возраст, Маконя успел прославиться как дерзкий и отважный хулиган, которого побаивались и некоторые прошедшие зону парни. Позже он тоже туда угодил...

– Блин, мужики! Вы че, блин?! – крикнул Маконя. – Че вы дрейфите?! Давай, выходи! Сделаем этих козлов!

Толпа хмуро молчала, а кое-кто из парней даже подался назад, как бы ненароком прячась за плечи своих подруг. Буйный Маконин характер был хорошо известен. А к краю поля уже подходил торжествующий костололицый.

– У тебя полторы минуты осталось! – весело предупредил он.

И тогда священник, не отдавая себе отчет в том, что делает, продрался вперед и начал стаскивать рясу.

– Я с тобой, Маконя, – только и сказал он. – Если что, меньшим составом сыграем.

– Ты?! – выпучил глаза Маконя. Он явно узнал в одетом в подрясник, обросшем бородой мужике того, кто не так давно опозорил его перед корешами, поставив на четыре точки.

– Давай, Шатун! Давай, Мишаня! – заорали из толпы, и Маконя затряс головой.

– Шатун?! Ты – тот самый Шатун?!

История про бывшего местного хулигана, ставшего сначала спецназовцем, а потом вернувшегося домой в рясе, давно уже числилась в городских легендах.

– А то... – усмехнулся отец Василий. – В храм божий надо ходить, Маконя, тогда бы знал... – сказал он, боковым зрением отметив, как потянулись вслед за ним в сторону поля еще несколько мужских фигур.

* * *

Команда у них подобралась «Прощай, маманя!». Были здесь и спившийся вконец бывший тренер футбольной команды местной птицефабрики, и какой-то очкарик в хорошем спортивном костюме, и два выюноша – почти подростки... Но народ отреагировал на дерзкий вызов сектантам очень хорошо: забурлил, закипел и побежал за водкой...

Костолицы́й явно не ожидал, что Маконе что-то удастся, и начал ссылаться на то, что поначалу следует довести до

конца уже начатую игру, но толпа жаждала зрелищ, а только лобовое столкновение сборной команды Макони с командой костолицега такое зрелище гарантировало.

– Давай, долговязый, не дрейфь! – орали местные парни, и костолицый нехотя подчинился.

Диакон Алексей прибрал рясу отца Василия и теперь держал ее в руках, но все равно священника опознали в первые же мгновения, и люди подтянулись к полю почти вплотную, составив живую изгородь из темных копошащихся тел.

Костолицый чувствовал себя достаточно уверенно. По крайней мере в руках себя держал – уж это отец Василий видел. Главный сектант быстро составил из двух своих команд сборную и решительно повел ее на приветствие.

– Сделайте их, мужики! – заорал кто-то из толпы.

– Поставьте их в позицию! – тут же поддержали крикуна. – Давай, Маконя! Сделай их! Давай, Шатун, покажи им, где раки зимуют!

Отец Василий усмехнулся. Что-что, а патриотизм всегда шел православной церкви на пользу – это срабатывало во все времена!

– Ну что, Маконя, – повернулся он к заматерелому хулигану. – Покажем гостям, как надо играть?

– А то! – зло сплюнул в сторону Маконя.

Игра не заладилась с первых же минут. Маконя орал на свою команду, толкался, получал от бледного, испуганного таким поворотом событий судьи предупреждения и от этого еще более свирепел и еще хуже играл. Отец Василий, напротив, из кожи вон не лез, а терпеливо пытался сыграть с теми, кто в отличие от Макони рассудка не потерял.

Его сразу порадовал спившийся, но сегодня еще вполне адекватный бывший тренер футбольной команды местной птицефабрики. Играл грамотно, не суетился, хотя и бегать уже по-настоящему не мог – быстро уставал... Неплохо показали себя и юнцы, великолепно прорывающиеся к воротам противника и послушно отдававшие мяч, когда скажут. Но игра все равно не шла: Маконя портил все.

– Куда?! – орал он. – Мне отдай, мне!!! – Но, получив мяч, бездарно его терял и от этого совершенно выходил из себя. – Я тебе что говорил, гнида?! Мне надо было отдавать! А ты куда пасанул, козел?!!

И, подчиняясь этому разрушительному настроению, толпа заводилась все сильнее, и наступил момент, когда на поле полетели тяжелые пивные бутылки, а подначенный дружками Маконя сцепился с судьей.

Священник кинулся их разнимать, но тут же понял: поздно! Люди, как остервенелые, выбежали на поле и включи-

лись в драку с подоспевшими на помощь судье и своим еди-
новерцам сектантами. В считанные секунды пространство
вокруг наполнилось хрустом, а на льду появились первые
кровавые кляксы.

Священник заметался. Побойще надо было остановить,
но как это сделать, он уже не представлял.

– Маконю держи, поп! Маконю! – услышал он и обернул-
ся.

Это кричал костолицый. Он висел на самом здоровом сво-
ем футболисте-сектанте и указывал рукой на избивающего
судью Маконю. Священник кивнул и кинулся стаскивать за-
чинщика с судьи – костолицый был прав: надо блокировать
зачинщиков, это они и в спецназе проходили...

– Ур-рою! – орал Маконя, пиная упавшего на лед судью
ногами. – Живым, гнида, закопаю!

Священник быстро переместился к Маконе, передал ему
горло, завел руку за спину и потащил прочь, к краю поля.

– Пусти... – хрипел Маконя, елозя ногами по льду, но
ни затормозить, ни достать священника свободной рукой не
мог.

– Тихо, Маконя, тихо... – приговаривал священник ему в
ухо. – Все будет хорошо... Не буянь, малыш...

Священник почти вытащил его за пределы свалки, когда
понял, что дело уже даже не в Маконе. Местные повалили
металлическую сетку у небольшого пристанного склада, по-
отрывали полутораметровые столбики и погнали противни-

ка вдоль заснеженного берега. Разгоралось настоящее побоище – с хрустом костей и безумной, пьяной жестокостью. Священник двинул Маконе по шее, бросил обмякшее тело на снег и кинулся унимать остальных.

Сектанты держались дружно. И все-таки победить значительно превосходящего их числом и агрессивностью противника не могли. Кто-то уже упал на лед, кого-то прижали к причалу, а упавших безжалостно добивали ногами.

– Хватит! Остановитесь! – кричал священник, оттаскивая и расшвыривая в стороны озверевших земляков. – Побойтесь бога! Да хватит вам, я сказал!

Но мужиков как заклинило, и ему пришлось-таки бить их, чтобы хоть немного привести в чувство и понизить градус озверения. И он шел и шел, как танк сквозь камыш, оставляя после себя четко заметную полосу обездвиженных буйанов.

– Сзади, поп! – истошно крикнул кто-то, и он пригнулся.

Над головой просвистело что-то тяжелое, и священник не раздумывая двинул нападавшего кулаком и вырвал из его рук увесистую трубу.

– Классно! – услышал отец Василий и оглянулся.

Это был костолоицый, и как раз сейчас он отбивал атаку двух пьяненьких юнцов. Главный сектант дрался грамотно и уверенно: без озлобления или паники. Он спокойно ушел от удара в лицо и мягко пропустил мимо себя второго нападающего, лишь слегка добавив ему скорости ударом в затылок. Он проделал это настолько профессионально, что отец

Василий даже насторожился – ничего подобного он не видел с самой службы. «Ой, не прост этот сектант!» – мелькнула мысль.

– Что делать будем?! – крикнул костолицый.

– Унимать! – коротко ответил священник и, схватив за шиворот рвущегося в бой плюгавенького мужичка, отбросил его в сторону.

– Хреново! – прокомментировал костолицый, уворачиваясь от очередного удара.

– А то! – подтвердил священник.

– И ментов не видно! – огляделся по сторонам очистивший себе достаточно места костолицый.

Священник вздохнул. Менты здесь были, он сам видел их «уазик» возле причала, вот только вмешиваться в драку до прибытия серьезного подкрепления отважные блюстители порядка не рисковали.

Они с костолицым еще успели выдернуть из толпы и основательно успокоить четверых или пятерых самых буйных, когда подъехали-таки несколько «уазиков» с ментами и «Скорая». Милиционеры неторопливо построились и, получив инструктаж, столь же неторопливо, по-домашнему, принялись успокаивать оставшихся на ногах буянов. Но это была уже чистой воды «косметика» – врачам и без ментовских усилий работы хватало.

Отец Василий с облегчением покинул поле и, взбежав на некрутой берег, вышел на причал. Здесь всю грузили в ка-

реты «Скорой помощи» пострадавших.

Мужики с пробитыми головами и окровавленными лицами вели себя по-разному... Кто вопил и порывался «сказать последнее слово», кто вообще плохо соображал, что происходит, но всех объединяло одно: они были глубоко нетрезвы.

– Куда этого?! – крикнул санитар.

– Пусть ждет, – отозвался врач. – Со следующей партией вывезем...

– У него, похоже, черепно-мозговая, – покачал головой санитар. – Боюсь, не дотянет...

– Может, ко мне, в «Жигули»? – спросил священник.

– А у вас кресла раскладываются?

– Разложим, – кивнул отец Василий.

* * *

Он успел сделать три ездки в районную больницу и даже перекинуться парой слов с Костей. Отрывать главврача от работы больше чем на пару слов было в такой ситуации просто грешно... И лишь выехав на причал в четвертый раз, отец Василий понял, что все закончилось.

Священник спустился с берега на лед и осмотрелся. Здесь еще стояли мелкие группки людей, но на демонстрацию молодецкой удали их уже не тянуло.

– Зря вы им помогли, – услышал отец Василий за спиной и оглянулся – прямо перед ним стоял... Маконя.

«А ведь он прав, – подумал священник. – Так все здорово складывалось! Ну, надавали бы они друг дружке по мордам, глядишь, и пыла у миссионеров поубавилось бы...»

– Нет, – покачал он головой. – Ты не прав, Маконя. Христовы заповеди не отменишь, а сострадание к ближнему одна из основных православных ценностей...

– Это они-то ближние? – скривился Маконя и потер ладонью распухший нос. – Твари они, а не ближние. Гнать их надо! Чтобы до самой своей Америки не останавливались!

«Хорошо бы!» – подумал священник.

– Не должен христианин так говорить, – вздохнул он.

К ним подошел один мужичок, второй...

– Одурманивают народ... – вроде бы ни к кому не обращаясь, выдавил Маконя.

– Точно! – поддержали его мужики. – Гнать их надо отсюда!

– И девок наших вон сколько у них! – уже агрессивнее выпалил Маконя. – Задурят голову «Дети божии», а мы потом расхлебывай!

– Блин, Маконя! – пожаловался кто-то из мигом образовавшейся толпы. – У меня, блин, соседка нормальная баба была, а теперь и не подойди! Рубля не даст!

Народ загудел; видно было, что мужик попал в самое большое место.

– Так! Разошлись! – пробился сквозь толпу милицейский сержант. – Маконин?! Я тебе что сказал?! Чтоб духу твоего

здесь не было! А ты снова за свое?! А ну пошли со мной!

Маконе завернули руки за спину и поволокли сквозь бурно протестующую против ментовского беспредела толпу.

– Хоть вы, батюшка, им скажите! – навалились мужики на священника. – Нельзя же так! Маконя все верно говорит! Скажите им, скажите! Вы же видели!

Трудно было понять, что они имели в виду, и священник махнул рукой, развернулся и побрел к своей машине. Все, что могло состояться, уже состоялось...

* * *

Отъехав от пристани, отец Василий внезапно почувствовал, что порезанное плечо снова болит и снова мокрое от крови, вздохнул и отправился в больницу.

Понятно, что Костя был невероятно занят, и священником занялся все тот же молодой врач с благородным именем Евгений, что уже зашивал его два раза. Заметив среди пациентов отца Василия, он побледнел, потом покраснел, но удержал себя в руках и, лишь увидев, во что превратился его труд, расвирепел.

– Вас что, батюшка, к кровати привязывать надо?! – заорал он. – Ну сколько же можно!

Священник отвел глаза.

– Куда я швы положу?! Сплошная рванина! Вы что, нарочно?!

– Нет, – покачал головой отец Василий. – Честное слово, не нарочно...

– Еще раз вас увижу, выгоню к чертовой матери! – зло пообещал врач.

Отец Василий тяжело вздохнул. Вообще-то надо было сказать врачу, чтобы он не чертыхался, хотя бы при священнике, но тогда дальнейшее поведение человека в белом халате стало бы непредсказуемым, и отец Василий, вздохнув, промолчал.

* * *

К Медведеву он отправился прямо из больницы. И секретарша главы районной администрации даже не пыталась его остановить – такая решимость светилась в глазах отца Василия.

– Батюшка? – удивился Медведев. – Чего стряслось-то?

– Вы должны это остановить! – без предисловий начал отец Василий. – Это не может продолжаться!

Медведев тяжело вздохнул – он сразу просек, о чем говорит православный священник.

– Не все так просто, – покачал он головой.

– Вы разве не знаете, что сегодня произошло? – уставился на главу районной администрации священник.

– Знаю... – еще тяжелее вздохнул Медведев.

– Так остановите это!

– Но ведь там наши, местные, виноваты, – возразил Медведев. – Я у Скобцова интересовался, да и показания очевидцев совпадают... А что культурно-массовое мероприятие на Рождество Христово организовали, так за это им честь и хвала. Вы же сами христианин, как вы не понимаете?

Отец Василий выпал в осадок. Медведев явно не видел никакого греха в том, чтобы считать Иисуса апостолом!

– Они аферисты, – упрямо сдвинув брови, сказал священник. – Вы знаете, что они работу усть-кудеярцам пообещали?

– И не только знаю! – сразу воодушевился Медведев. – Районная администрация сама в этом участвует... и на полторы тысячи рабочих мест у нас вполне конкретные планы.

Следующие десять минут отец Василий только глотал слюну. Здесь уже все было схвачено: администрацию купили на корню грандиозными совместными проектами. И мало того, что сектанты совершенно задурили голову Медведеву байками о том, что чуть ли не половина конгресса США – Дети Духа и от этого прямо зависят целевые кредиты... Оказалось, что именно администрация и помогла сектантам открыть и пункты приема зерна и шкур крупно-рогатого скота, и гарантировала сбыт необычайно дешевых по местным масштабам горюче-смазочных материалов...

– Но они же народ развращают! – отчаянно попытался открыть власти глаза священник.

– А что вы от меня хотите? – развел руками Медведев. – У меня налоги в казну впервые за столько времени пошли...

Как хотите, отец Василий, но я этот факт игнорировать никак не могу; да меня и область не поймет, если я начну им препятствия чинить! И, кстати, правильно сделает!

Это было безнадежно.

* * *

Отец Василий вернулся в храм, с трудом дождался окончания дня и, предупредив Олюшку, снял рясу, надел дубленочку и пошел прогуляться – голова после сегодняшних событий шла кругом. Он зашел в больницу к Косте, но главврач все еще был занят поступившими ранеными. Спровоцированные этими прислужниками нечистого беспорядки прокатились по всему Усть-Кудеяру, и теперь избитые люди поступали в больницу чуть ли не со всего городка.

Обескураженный отец Василий прошел на площадь, но там оказалось на удивление пусто – почти не было видно даже местной молодежи, обычно охотно оккупирующей каждый вечер лавочки в сквере у памятника Ильичу...

– А ты разве не знаешь? – услышал он обрывок разговора продефилировавшей мимо парочки. – Они каждый вечер на службу в Доме рыбака собираются...

Отец Василий что-то такое вспомнил. Кто-то говорил ему об огромной резиденции сектантов на острове Песчаном, в Доме рыбака... Толян? Кажется, да... Священник вздохнул: размеры отстроенного когда-то для обкомовских работни-

ков усть-кудьярского Дома рыбака превосходили все мыслимые пределы, и если сектантам и впрямь удастся заполнить его хотя бы на треть... Он даже поежился – такой ужасной была такая реальность. Столько загубленных душ!

Отец Василий брел вдоль по центральной улице, дискутируя сам с собой, выдвигая аргументы и контраргументы и приводя доводы и примеры... Но чем далее он рассуждал, тем острее понимал, что эта нахлынувшая на городок напасть гораздо сильнее и беспощаднее, чем он думал раньше. Главное, была она антигуманна, направлена против человека. Сектанты обращались с душами людей, как с сырьем, и тем не менее в этих новых правилах игры одерживали победу за победой. Это было невыносимо.

Он и сам не заметил, как оказался на причале. Там, вдалеке, сверкал огнями стоящий на острове Песчаном Дом рыбака. Священник снял шапку и прислушался, но сквозь пошвист ветра от острова до причала доносились лишь слабые, невнятные звуки. «Сходить? – подумал он. – Нет, не стоит. Дурацкая это идея...» И уже в следующий миг отец Василий обнаружил, что спускается на лед, а внутри его гложет только одна мысль: он должен увидеть, что там происходит! И, если поможет господь, он предотвратит дальнейшее падение христианских душ вниз, в мохнатые и безжалостные лапы лукавого.

До острова Песчаного, притулившегося к противоположному пустынному берегу, было километра два. Смеркаться начало по-зимнему рано, и, пока отец Василий дошел до полыньи, совсем стемнело. Отец Василий осторожно, метров за восемь-десять обошел огромную промоину по краю и бодро тронулся к Песчаному – до острова оставалось всего ничего. Но чем ближе он подходил, тем страшнее ему становилось.

Огромный комплекс Дома рыбака светился и переливался разноцветными огнями, как новогодняя елка. Впрочем, здесь и впрямь сверкало множество цветных гирлянд, оставшихся еще от празднования Нового года. Но ни радости, ни легкости эти цвета не приносили; напротив, от них отчетливо веяло тревогой. Отец Василий прислушался: там, внутри, раздавались поистине странные звуки, словно сотни людей одновременно хлопали в ладоши, потом надолго замирали в полной тишине и снова хлопали. Это не было похоже ни на что.

Он осторожно приблизился ко входу в здание, и его даже передернуло: неизвестно, что хотел этим сказать оформитель, но опоясавшие двери разноцветные гирлянды более всего походили своей формой на широко распахнутую хищную пасть.

– Тебя сменить? – услышал он уверенный мужской голос и присел, словно испугался, что его заметят.

– Да, пора бы... – охотно откликнулся на предложение второй человек. – И скажи там этому новенькому, как его, Сашке, пусть тулупчик с собой прихватит – здесь холодает.

Отец Василий поежился – воздух и впрямь остыл.

– Ладно, я пошел...

Священник прокрался поближе к дверям. Недалеко от входа стоял и курил молодой плечистый охранник в камуфляже. «Расслабился боец... – усмехнулся священник. – Раньше я бы его в два счета снял!» – и тут же устыдился своих недостойных мыслей: в конце концов, он сюда не банду пришел брать, а правду выяснить...

Охранник громко выплюнул сигарету, отошел к заснеженным кустам и вжикнул «молнией». «Пора! – понял священник. – Пока не оглянулся!» Он метнулся ко входу и бесшумной тенью скользнул в приоткрытые двери. Пока все получалось.

Здесь внутри было темно и остро пахло какой-то цветочной эссенцией, явно ритуального характера – назвать это благовониями язык не поворачивался. Священник нащупал вторую дверь, открыл... и мигом оказался в другом мире. Он еще никого не видел – чтобы увидеть зал, следовало подняться по лестнице примерно на десяток ступеней. Но атмосфера происходящего ощущалась даже здесь. Ослепительный свет резал глаза. Резкий цветочный запах стал просто

невыносим; воздух в огромном, просторном помещении казался тяжелым, буквально свинцовой плотности... Раздался хлопок, и он понял, что там, еще на льду, не ошибся: это действительно был хлопок нескольких сотен ладоней.

– А теперь... – услышал он многократно усиленный динамиками знакомый голос, – мы зададим себе несколько простых вопросов...

Раздались чьи-то шаги, и отец Василий метнулся вбок по коридору – где-то неподалеку, насколько он помнил, располагалась вторая лестница – на балкон. Точно! Деревянная лестница, новенькая ковровая дорожка и множество крутых ступенек вверх...

– Господь, этот великий творец, не стал бы создавать нас грешными... – прогремели динамики. – Разве это не правда?

– Правда! – ухнули в ответ сотни людей.

«Господи, что это?! – спрашивал священник, взбегая по ступенькам. – К чему он клонит?»

– Значит, нет греха! – прогремели динамики.

– Нет греха! – послушно откликнулись люди.

Отец Василий выскочил на балкон и замер, вцепившись рукой в полированные деревянные перила. Там, внизу, плечом к плечу стояли сотни, а может быть, и тысячи людей! «Спаси и сохрани!» – взмолился священник – ничего подобного он увидеть не ожидал. А за кафедрой, под собственным огромным, квадратов на восемь, портретом, стоял... костолощый.

– Господь сотворил нас по образу и подобию своему, – сказал костолоицый. – Разве это не правда?!

– Правда! – ухнула серая человеческая масса внизу.

– Но господь совершенен, а значит, совершенны и мы!
Каждый из нас!

– Каждый из нас! – откликнулась человеческая масса.

«Что это?! – ужаснулся отец Василий. – Как они не видят?! Что он с ними делает?! Господи, грех-то какой!» Люди в партере казались ему зомбированными куклами, не понимающими, что они говорят и что делают...

Священник прикрыл глаза рукой от невыносимого света и вгляделся еще внимательнее. Казалось, люди внизу ничуть не страдают ни от кошмарной интенсивности света, ни от тяжелого цветочного смрада – иначе назвать этот дух было невозможно. Их глаза были широко раскрыты и направлены на костолоицега проповедника, а на лицах сияли широкие, счастливые улыбки.

Где-то за кулисами мерно, в четверть силы застучали барабаны и запели нежные, тихие скрипки. Народ покачнулся вперед...

– Братья и сестры! – громко возопил со сцены костолоицый и воздел свои длинные руки вверх. – Бог никогда не переставал любить вас! Верите ли вы мне, апостолу его?!

– Ве-ерим! – единой волной качнувшись вперед, как одна глотка выдохнула толпа.

– И бог смеется от счастья, видя, как любят его в каждом

божественном творении возлюбленные дети его! Верите ли вы мне, апостолу его?!

– Ве-ерим!

Отец Василий вжался в стену. Он видел: все эти люди там, внизу, не в себе! Они подчинялись всему, что несла в себе эта жутковатая, сатанинская «служба»: ускоряющемуся реву барабанов, призывам скрипок, каждому слову и каждому жесту костолицего проповедника. И когда они в очередной раз подчинились призыву костолицего и начали срывать с себя одежды, удивляться было нечему... поздно было удивляться: «этот» владел ими целиком, как своей рукой или ногой.

– Возлюбите господа в ближнем своем! – взревел костолицый, и обнаженные, истекающие слюной, с обезумевшими глазами люди кинулись друг на друга, аки дикие звери.

«Апокалипсис!» – прошептал отец Василий и, не отдавая себе отчет в том, что делает, придвинулся к перилам и воздел руки к небу.

– Стойте! – крикнул он. – Остановитесь, люди! Так нельзя!

Но его словно никто и не слышал. Мужчины совокуплялись с женщинами прямо на полу, среди беспорядочно разбросанной одежды и таких же потных, потерявших разум людей.

– Прекратите! – заорал священник. – Именем господа нашего Иисуса Христа призываю вас!

Но его не слышали. Полные сорокалетние домохозяйки и

черные от мазута и загара мотористы и экскаваторщики, толстые бледные работницы контор и ухоженные служащие офисов были заняты только собой и тем «господом», что прямо сейчас снисходил до них, прямо в это кишашщее, дышащее смрадом, стонущее и потеющее варево человеческой плоти.

И тогда священник вздрогнул и, трижды осенив себя крестным знаменем, обвел руками вокруг себя, четко заключив пространство актового зала в воображаемый круг, и страстно, со всей мощью своей души произнес:

– Силой господи Иисуса Христа внутри меня,
...которому я служу всем сердцем, всей душой и всеми силами,

...я окружаю этих людей кругом его божественной защиты,

...который не смеет переступить ни один грех.

Он еще раз обвел руками вокруг себя, заключив пространство зала в воображаемый круг, и еще раз трижды перекрестился.

Применение этой молитвы, услышанной им под страшным секретом от одного семинариста, было против всяких правил. Но он знал: сейчас действует лишь одно правило: сила его обращения к нему.

Все так же призывно стонали скрипки и все так же навязчиво задавали ритм барабаны, но что-то изменилось. Кишение внизу словно замедлило свой темп, и растерянные, обна-

женные люди почти разом посмотрели наверх, туда, где стоял, разведя руки в стороны, простой провинциальный священник отец Василий. На какой-то миг они снова стали сами собой.

– Братъе и сестры! – гроыхнули динамики. – Я, апостол божий Борис, призываю вас!

Отец Василий впился взглядом в костолицего и в тот же момент понял, что совершил роковую ошибку, позволив ему завладеть своим вниманием, потому что уже в следующий миг – он это чувствовал – люди внизу, проследив за его взглядом, точно так, как и он, оборотились к проповеднику.

– Братья и сестры! Слава божия с вами! – воздел руки вверх костолицый. – С нами бог! – и рывком бросил свои длинные руки вниз, к широко распахнутым глазам и разину-тым ртам.

– С нами бог! – послушно вторили человеческие голоса.

– С нами бог! – уже громче повторил костолицый, совершив руками в точности такой же жест.

– С нами бог! – уже увереннее всколыхнулась масса.

Это было похоже на ключевую фразу, которую используют иные эстрадные гипнотизеры, но в отличие от них у костолицего все было доведено до совершенства.

– Дайте мне его! – решительно ткнул костолицый пальцем в священника, и масса взбухла, забурилась, подалась к проходам и послушно потекла туда, куда ей указали.

«Господи, помилуй!» – охнул отец Василий и метнулся

к выходу. Но там, в коридоре, уже кипела рвущаяся к нему бессмысленная человеческая плоть.

Он подался назад, оценил конструкцию актового зала, решительно перешагнул за перила и, ухватившись за них руками, быстро пошел над партером в сторону окна. Другого пути здесь нет – это он видел. И когда преследователи начали протягивать к нему свои руки, отец Василий уже выбил стекло локтем и, уцепившись за металлическую раму, подтянулся и выбросил свое большое тело на покатуую кровлю.

Он поехал вниз, как на салазках, – все быстрее и быстрее. А потом в глазах мелькнуло черное ночное небо, цветные новогодние гирлянды и – лишь на долю секунды – огромный белый сугроб свежееубранного снега. На него навалилась темнота, беспомощность и ощущение полного провала – в прямом и переносном смысле. И еще очень не хватало воздуха...

Его потянули, а потом и сильно рванули за полу дубленки, и отец Василий с облегчением вынырнул наружу и вдохнул сладчайшего кислорода.

– Ты чего здесь делаешь, мужик? – склонился над священником здоровенный парень в камуфляже.

Отец Василий хотел ответить, но язык не слушался, а в глазах все еще плавали разноцветные искры.

– Язык проглотил? – сурово переспросил охранник и, поставив отца Василия на ноги, несильно его встряхнул. – Это ты, что ли, стекло разбил?

Он определенно слышал звон разбитого стекла, но самого падения в сугроб так же определенно не видел, и предположить, что странный небритый мужик свалился сюда с крыши, с высоты третьего этажа, еще не успел.

Двери Дома рыбака распахнулись, и на улицу вывалилась толпа голых, обезумевших людей. Парень оглянулся на шум, да так и застыл, выпучив глаза и широко открыв рот. Это явно был тот самый «новенький Сашка», о котором говорили охранники с полчаса назад.

– Мать честная! – только и произнес он. – Это как же называется?! Ни хрена себе, работенку я нашел!

– Пусти, друг, – дернулся отец Василий, но охранник его не слышал и продолжал держать воротник дубленочки своей огромной ручищей.

Бить его не хотелось, и отец Василий, вздохнув, быстро расстегнул пуговицы, выдернулся из рукавов дубленочки и уже через миг бежал прочь от этого страшного места. «Дайте мне его! – звенело в ушах приказание костолощего. – Дайте...»

* * *

Он не пробежал и сотни шагов, когда понял, что происходит нечто странное: сзади упорно раздавались странные звуки, словно здесь, посреди зимы, шумел приморский прибой. Отец Василий обернулся и ощутил, как поднимаются мел-

кие волоски у него на руках и затылке. Метрах в тридцати, прямо на него надвигалась белеющая в лунном свете громада обнаженных тел.

Они мчались на него молча и сосредоточенно, так, словно бежать по снегу за одиноким священником и была главная задача их жизни. Услышав команду костолицега, они словно забыли о том, что они еще и матери и отцы, бульдозеристы и официантки. Теперь для них не существовало иной цели, кроме как догнать и доставить своему «апостолу» этого чужака.

– Стойте! – крикнул священник. – Остановитесь! Что вы делаете?!

Но толпа не слышала его. Люди так и бежали к нему, к своей единственной цели, тряся обвисшими гениталиями и толстыми складками жира на животах и сосредоточенно вдыхая и выдыхая воздух. В лунном свете пар от их напряженного дыхания и разгоряченных тел выглядел сюрреалистической дымкой на картине романтически настроенного художника. Вот только не был этот «художник» ни добр, ни светел духом. Отец Василий еще раз панически оглядел преследователей и понял, что за звук заставил его насторожиться и оглянуться с минуту назад. Это был шум работы сотен легких и скрип сотен босых ног по свежевывавшему пушистому снегу.

– Стойте, люди! – уже менее уверенно попросил он. – Опомнитесь! Придите в себя!.. – И тут же осознал: они не остановятся. Потому что на самом деле их самих здесь про-

сто нет. А на него движется заключенная в чужие тела железная воля костолицего.

* * *

Он резко изменил направление – на льду его могли запросто загнать числом, как зайца, – и рванул в камыши, надеясь потеряться среди жестких, двухметровой высоты зарослей. Но это, как оказалось, и стало его ошибкой. Звук шагов сотен босых ног и дыхания сотен человек позади него так и не прекращался, но теперь к ним добавился и хруст ломающегося камыша, и через несколько минут священнику чудилось, что этот жуткий хруст идет отовсюду, и он осознал, что просто не понимает, куда надо бежать, чтобы спастись.

Он затравленно огляделся по сторонам и увидел, как из зарослей справа прямо на него вывалилась огромная, дородная женщина с выпученными, потерянными глазами.

– Святый боже! Святый крепкий! Святый бессмертный! Помилуй нас! – скороговоркой пробормотал священник и осенил даму крестным знаменем.

Женщина шагнула вперед, тряхнув огромной грудью, и замерла. Что-то внутри ее определенно происходило.

– Опомнись, дочь! – воззвал священник, и в пустых глазах дамы на миг промелькнуло что-то осмысленное.

Снова хрустнули камыши, и из-за спины женщины появился и застыл второй персонаж – тощий мужичок с пыш-

ными черными усами. Он стоял за спиной дамы и бессмысленно смотрел прямо перед собой – то ли на священника, то ли сквозь него. Затем из камышей возникла еще одна фигура, за ней – еще одна... Отец Василий закричал и, не помня себя, бросился прочь.

* * *

Он вышел к Усть-Кудеяру только часа через три. Крюк, который он сделал, чтобы уйти от погони, оказался непомерно велик. Так что, когда прямо перед ним возникла городская свалка, священник был настолько обессилен, что вполне серьезно начал подумывать, не прикорнуть ли ему прямо здесь, у дымящейся и пронзительно воняющей чем-то химическим кучи. Но бог миловал: он нашел в себе силы и еще через сорок минут ввалился в ГУВД.

– Где Скобцов?! – выдохнул он.

– Дома, где же еще? – вопросом на вопрос ответил дежурный.

– А сколько времени? – догадался спросить отец Василий.

– Три ночи, – пожал плечами дежурный. – А что случилось? Э-э! Да вы ранены!

Священник проследил его взгляд и понял, что у него снова лопнули швы на плече.

– Это старое! – отмахнулся он. – А кто здесь есть?

– Подождите, я сейчас дежурного смены кликну...

Дежурный капитан долго не мог принять ту мысль, что перед ним находится местный поп, но, когда он это все-таки осознал, так же долго и терпеливо слушал все, что смог вывалить на него отец Василий.

– Значит, это не они вас ранили? – в очередной раз переспросил капитан.

– Нет, – в очередной раз отмахнулся священник. – Там похуже дела. Там люди голые по камышам бегают! Несколько сотен голых людей! Представляете?!

– Зачем? – изумился капитан.

– За мной, – убито признался священник.

– И что, все несколько сотен – за вами? – не мог поверить капитан.

– Все – за мной, – обреченно кивнул священник.

Капитан поспешно переменял тему.

Потом отца Василия попросили подождать, и он слышал, как шушукались между собой милиционеры. Потом, судя по всему, капитан решился-таки позвонить среди ночи начальнику ГУВД, и вот после этого звонка все изменилось.

– Идите-ка вы домой, – не глядя священнику в глаза, предложил капитан. – Так будет лучше... Для вас в первую очередь.

Отец Василий попытался поймать его взгляд, но не смог и

понял, что капитан, по сути, прав и ему пора уходить, потому что ничего другого ему менты не предложат. Вот только очень болит плечо...

* * *

Дежурный милицейский «уазик» довез священника прямо до больницы, и здесь, едва открыв дверь приемного покоя, отец Василий понял: от судьбы не уйдешь. Прямо перед ним стоял многострадальный молодой хирург Евгений.

Евгений дикими глазами глянул на окровавленное плечо отца Василия и схватился за голову.

– Что на этот раз? – дернув кадыком, спросил он. – Бокс или, может быть, плавание?

– Бег с препятствиями, – попытался отшутиться священник, но понял, что Женю все одно в ближайшую пятилетку никому не развеселить.

– Там не за что уже шить, – страдальчески посмотрел на него хирург. – Одно рванье! Что вы со мной делаете?!.

* * *

Он вернулся в храмовую бухгалтерию, пропахший потом, целым набором медикаментов и этим мерзким цветочным духом. У Ольги хватило-таки настойчивости, чтобы засунуть

его в маленькую оцинкованную ванну и хоть немного отмыть. Отец Василий клевал носом и норовил задремать прямо здесь, под звуки сбегаящей по телу теплой струи из чайника и мерное поглаживание мочалки в ласковых Ольгиных руках.

– Не спать! – неожиданно жестко обрывала его сонные видения жена, и отец Василий по-детски обиженно хлюпал носом и моментально проваливался в сон опять.

А потом Ольга оттащила его в постель и до самого утра просидела рядом, глядя, как вздрагивает и покрывается холодным потом большое сильное тело ее мужа, а сам он то плачет, то грозит кому-то неведомому...

* * *

Ольга не разбудила его ни в шесть, ни в семь... И когда отец Василий проснулся, за окном сияло яркое зимнее солнце.

– Не вставайте, – сразу предупредила его попытку вскочить жена. – Алексей и сам управился.

– Управился? – изумился священник. – А который час?

– Половина второго.

– Дня?! – подлетел в постели отец Василий и тут же рухнул обратно: жена была права – можно уже не вставать.

Но поспать еще ему так и не удалось – минут через пятнадцать пришел Костя. Главврач районной больницы сел ря-

дом и с полчаса прошупывал и простукивал друга и в конце концов дошел до того, что начал проверять рефлексы.

– Ты неважно выглядишь, Мишаня, – сказал он.

– Догадываюсь, – отозвался отец Василий.

– А что это за байки ты в милиции рассказывал? – искоса глянул в сторону попадьи Костя.

– Это насчет голых людей? – сразу догадался священник.

– Помнишь... это хорошо... – удовлетворенно вздохнул Костя. – Их что, действительно было так много?

– Сотни четыре, – приуменьшил на всякий случай отец Василий. Он уже видел вчера, как реагируют люди на правдивые оценки.

– А вчера в милиции ты говорил восемь-девять...

«Уже стуканули, негодные!» – подумал отец Василий и устыдился: другу можно было и не врать.

– Ты у психиатров никогда не наблюдался? – спросил Костя.

Отец Василий внимательно посмотрел другу в глаза: они были строги и взыскательны.

– Нет, Костя, никогда... и если ты думаешь...

– Я ничего не думаю, – оборвал его патетическую речь в самом начале Костя. – Но, как врач, считаю: тебе нужно отдохнуть. И основательно.

– Ты же видишь, чего они творят! – с мольбой и надеждой во взоре посмотрел священник на друга – Костя должен был видеть; он ведь не чета остальным...

– Вижу, – вздохнул Костя. – Десять тысяч рабочих мест они уже пообещали, а еще немного, и они, как великий Мао, станут народу десять тысяч лет счастья обещать... Афера, она и есть афера.

Отец Василий возликовал: он был почти счастлив, что не ошибся в товарище.

– Но это не повод доводить себя до такого состояния, – покачал головой Костя. – И еще: если ты снова порвешь на себе швы, я тебя в свою больницу не пущу! Ты понял? Мне уже на Женьку смотреть больно: четыре раза одно и то же место зашивать – это уж слишком!

А потом они просто сидели и говорили. О «Детях Духа» и прочих псевдорелигиозных практиках, о местной администрации и степени применимости к ней законов Паркинсона, о сексе и его внутренней связи с психическими отклонениями... И, надо признаться, давно уже отец Василий не чувствовал себя так хорошо – словно взял отпуск... Он и не чувствовал, как пролетело время и за окнами стемнело, и тогда Костя кивнул Ольге, помог уложить своего грузного друга в постель, сказал что-то на прощанье и спустя пару минут вышел... Но священник уже спал.

* * *

Отец Василий отлично отдохнул и на следующий день снова чувствовал себя боеспособным и мог сразиться с це-

лым полчищем сектантов. А если бы не воспалившийся шов и не обязательство дважды в день подставлять ягодицу для укола, все вообще было бы хорошо. Но уколы приходилось делать, а шов покраснел и беспрерывно гноился.

Пожалуй, на сегодня у него не было определенных планов, и он даже немного успокоился и перестал беспрерывно прокручивать в голове планы торжественного изгнания «Детей Духа» из Усть-Кудеяра, но в обед ему неожиданно позвонил Медведев.

– Батюшка?

– Точно, Николай Иванович, – подтвердил отец Василий.

– Вы вот недовольство выражали, что мы, мол, сектантам зеленый свет дали...

Священник напрягся: разговор начинался не из приятных.

– А про то не подумали, что у нас, между прочим, демократия, так сказать, и плюрализм...

«Знаю я твой плюрализм, – зло подумал отец Василий. – Кого подгрёб, того и поймел!»

– Мне вот телевизионщики позвонили из области, – продолжил Медведев. – Им сюжет нужен для передачи «Есть такой парень»... знаете? Так я сразу про вас подумал, говорю, есть у нас героический человек, и в больницу к старушкам ходит, и секцию для пацанов организовал...

Отец Василий почувствовал, что краснеет: из-за этой суматохи он уже недели полторы как ни пацанов не навещал,

ни старушек...

– Так они приглашают вас для интервью...

– Когда? – священник почувствовал, как мигом пересохло горло.

– Сегодня можно... Если успеете приехать до четырех дня, они вас примут... Но только им срочно надо, они хотят уже завтра в эфир с передачей выходить, а никого... ну это... в общем, они торопили.

Священник автоматически глянул на календарь – двенадцатое января, но уже и без календаря он чувствовал, какая это удача! Завтра, на старый Новый год, когда все усядутся перед телевизором, у него есть шанс сказать людям все, что он думает.

– Еду! – решительно кивнул он и, нетерпеливо дослушав напутствия, бросил трубку на рычаги и повернулся к Ольге: – Я в область. Буду вечером.

* * *

До областной телестудии он добрался ровно к четырем. Здесь усть-кудеярского священника, похоже, никто не ждал, по крайней мере, редактора искали всеми наличными силами и по всем телефонам. Затем они с редактором долго ждали, пока освободится одна из двух студий, по ходу дела обговаривая примерный сценарий интервью, затем появилась ведущая – ушлая, циничная бабенка – и то же самое обго-

варивали с ней... Неизвестно, практиковалось ли подобное всегда, но у отца Василия сложилось мнение, что здесь все сценарии пишутся «на коленке» и за пять минут до начала передачи. Так что, когда все подготовили, на часах было восемнадцать ноль пять.

– А что вы можете сказать о воспитании подрастающего поколения? – как бы невзначай, с выражением огромного интереса на лице спрашивала ведущая, и отец Василий, теряясь и глотая окончания, говорил что-то о неразрывности таких понятий, как духовность и патриотизм, сам ужасаясь пошлости своих слов.

– А какие у вас отношения с остальными, так сказать, конкурирующими, конфессиями? – фальшиво улыбаясь, спросила ведущая, видимо предполагая, что батюшка расскажет, как давно он знает местного муллу Исмаила и какое огромное уважение они испытывают друг к другу, невзирая на некоторую напряженность в Палестине и югославский религиозный сепаратизм.

И тут священника понесло.

– Какие могут быть отношения с аферистами? – заикаясь от волнения, спросил он. – Если секта обещает за полтора месяца обеспечить город рабочими местами, а сама, по примеру «Белого Братства», превращает людей в зомби, то что это за вера такая?!

Он говорил и говорил – о сатанинских, по сути, обрядах под маркой служения творцу, о гордыне, движущей устрем-

лениями почти всех известных псевдорелигиозных деятелей, – он говорил, не давая ведущей вставить ни словечка, говорил так, словно это была его последняя речь в жизни! И лишь закончив, лишь осознав, что сказал все, что хотел, священник с горечью подумал, что, по сути, занимался пропагандой конкурента и что умнее было эту тему просто замолчать. Но посмотрев, как быстро и нервно собирает ведущая свои бумаги, понял, что второго дубля не будет.

* * *

В обратный путь он тронулся, только когда убедился, что уже более-менее успокоился и руки больше не трясутся, а глаза способны отличить красный свет от зеленого. Отец Василий вывел свой «жигуленок» на трассу и, безропотно пропуская всех, кто желал его обогнать, потихонечку повел машину домой.

Через дорогу мела, слабо подсвеченная фарами, легкая поземка, машины спешили по своим делам, и священник чувствовал себя таким опустошенным, что случись ему прямо сейчас умереть...

«Паб-бап!» – просигналил идущий на обгон «рафик», и отец Василий послушно принял вправо. «Рафик» мастерски завершил маневр и занял место прямо перед ним.

...Случись ему прямо сейчас умереть, и он принял бы это безропотно и смиренно, как и подобает истинному право-

славному хрис...

«Рафик» резко сбросил скорость, и отец Василий еле успел притормозить. «Вот всегда они так... – с горечью подумал священник. – Бегут, хватают, давятся, но глотают, а зачем?.. Хоть кто-нибудь из них задавал себе этот простой вопрос: зачем? Что останется после них, когда придет смертный час? Незавершенные сделки? Воспитанные между делом дети? Задерганные жены и обескураженные родители?...

Дистанция снова сократилась, и отец Василий притормозил еще и глянул на левую сторону дороги; встречная полоса была совершенно пуста. Да и там, впереди «рафика», транспорта не наблюдалось.

«Рафик» еще притормозил, и отец Василий начал было выворачивать влево, чтобы обойти снижающий скорость автомобиль, но сзади отчаянно засигналили, и полосу занял бог весть откуда взявшийся «БМВ». Священник вздохнул и решил дожидаться, когда огромная черная машина уйдет вперед, но «БМВ» так и ехал параллельно поповскому «жигулю», не прибавляя и не снижая скорости.

«Вы, ребята, как сговорились!» – усмехнулся священник и в следующий миг уже сбрасывал скорость почти до нуля – его определенно останавливали! Он ругнулся и, резко вывернув руль, съехал вниз на возникшую справа грунтовку – подчиняться чужому давлению он категорически не желал.

Там, сзади, явно возникла заминка, и отец Василий рез-

ко набрал скорость и стремительно ушел во тьму переметаемого снегом проселка. Ему доводилось участвовать в таких играх – по самым разным поводам, – и никогда это не кончалось хорошо! «С меня хватит, ребята! – усмехнулся он. – Кем бы вы ни были! Хоть бандиты, хоть сектанты, да хоть кто!»

Он не слишком хорошо здесь ориентировался, но грунтовка была недавно почищена, и священник понимал, что рано или поздно перед ним появится какой-нибудь совхоз, а он, потеряв не слишком уж много времени, вернется на трассу в другом месте.

Священник усмехнулся. Всего год назад он еще попытался бы потягаться с этими крутыми парнями на дороге, но благодарение всевышнему – вразумил, показал истинную цену этой абсолютно неуместной для служителя божьего гордыне.

Внезапно стало светлее, и отец Василий понял, что ничего не кончилось: там, позади, уверенно сокращал расстояние между ними, кажется, тот самый «БМВ».

– Придурок! – ругнулся священник, но неприятный холодок уже пополз по спине – то, что это не просто пьяный прикол какого-нибудь неумного крутого, было очевидно.

Отец Василий притопил педаль газа, немного увеличил дистанцию, но по-настоящему оторваться уже не мог. «Так, а где я хоть? – думал он. – Александровка? Нет, ее я уже проехал. Михайловка? Зеленый Гай?» Впереди не было ни

огней, ни вообще хоть какого-нибудь намека на постройки – степь до самой границы видимости, а там... бог его знает, что там!

Ширина проселка не позволяла его обогнать, и священник помаленьку успокоился и даже снизил скорость. Но он уже понимал, что, как только впереди появится поселок, а дорога станет пошире, придется изрядно поднапрячься, чтобы успеть к местному отделению милиции раньше, чем его сбросят с обочины. В том, что эти ребята могут такое учудить, он не сомневался.

Впереди, за маревом стремительно летящего снега, показалось какое-то темное строение, и отец Василий сосредоточился: теперь даже одна ошибка была недопустима. Он прибавил скорость и, едва заметив, что дорога стала чуть шире, рванул прямо к возвышающейся перед ним темной громаде.

Он мчался сквозь разыгравшуюся метель, но, чем ближе становилась темная громада, тем острее звучала в его сердце нота тревоги – это не было похоже ни на что, разве что на небоскреб, невесть как оказавшийся прямо посреди приволжской степи. «Элеватор! – охнул священник. – Михайловский элеватор...» Он стремительно, искренне желая только одного – не забуксовать, обогнул огромное строение по периметру, но нигде другой дороги не увидел. Это был тупик.

О Михайловском элеваторе писали много. Начали строить при советской власти, бросили – еще при Горбачеве, за-

тем начали делить и даже немного постреляли. . . а потом, когда дорогостоящее строение обрело наконец достойного хозяина в лице местного авторитета, работяги снова получили работу, а селяне – робкую надежду, что бандит окажется милосерднее, чем светлой памяти Агропром.

Строили элеватор с перерывами, и, возможно, сейчас был один из пиков строительной активности – потому и дорога расчищена, – но для священника это не имело никакого значения. «Сам виноват, растяпа! – цокнул он языком. – Допросился!» Кажется, его недавние мысли о смерти имели теперь полную возможность проверки на искренность.

Он сделал полный круг и почти уткнулся капотом в «рафик». Тот приветственно подмигнул ему фарами. Отец Василий начал сдавать назад, но уже через пару секунд «рафик» нагнал его и саданул в радиатор. Священника кинуло грудью на баранку, и он, утопив педаль газа до упора, вывернул руль. «Рафик» рванул к нему и достал-таки «жигуля» еще раз – в крыло. Машина странным образом накренилась, и в следующий миг поползла куда-то вниз! «Что это?» – еще успел подумать отец Василий, внезапно и стремительно потеряв опору под ногами, когда падение прекратилось, и он понял, что машина уже лежит на боку.

Священник развернулся и не мешкая кинулся ко внезапно оказавшейся над головой дверце. Дернул за ручку, толкнул дверь от себя и с облегчением вдохнул резкий, холодный воздух. Странное дело, но он совершенно не был расстро-

ен, словно это не его машину два раза ударили в передок, и словно это не она лежала теперь на снегу в совершенно противоестественном положении. Отец Василий подтянулся на руках и, перевалившись через порожек, головой вниз ухнул в снег.

– Вон он! – услышал священник где-то наверху, удивленно искал говорившего глазами и только теперь понял, что лежит прямо под обрывом. А там, вверху, метрах в четырех стояли две темные мужские фигуры.

– Достать! – по-военному жестко распорядился тот же голос, и священник, перевалившись на живот, поднялся и, шатаясь побрел прочь, сквозь усиливающийся ветер и снег.

– Быстро! – распорядился все тот же голос.

«Хрен вам!» – подумал священник: теперь он почему-то уже не испытывал ни смирения, ни готовности принять любую, какую господь ни пошлет, гибель.

Машина упала в строительный котлован. Он ускорил шаг и довольно быстро уткнулся в его противоположный край. Склон был довольно пологий, но только священник сделал несколько шагов вверх, как опора ушла из-под ног, и он понял, что сползает вниз по свежему, мелкому желтому песку, и сколько бы метров он ни преодолел, через некоторое время ровно на столько же метров его снесет обратно мощной струей внезапно осевшего песка.

«Господи, помоги», – перекрестился он и услышал сзади характерный хлопок. Это стреляли.

Отец Василий охнул и, пробуксовывая ногами и цепляясь руками за торчащие из песка толстые полусгнившие корни и куски арматуры, что есть силы рванул вверх.

– Стой! – заорали сзади. «Нашли дурака!» – неприязненно усмехнулся он и, совершив поистине титаническое усилие, вытащил свое тело на самый верх.

Там, внизу, уже копошились, так же как только что он сам, несколько фигур. Но, естественно, песок осел еще раз, и вся эта команда, матерясь и отплевываясь, поехала вниз, на самое дно заснеженного котлована.

Отец Василий тоскливо посмотрел на свою «ласточку», бессильно завалившуюся на бок там, в самом низу, и лишь с огромным трудом отогнал от себя страшную догадку, что страховая компания, скорее всего, ни хрена не оплатит, а значит, деньги выброшены на ветер. «Не об этом надо думать! – свирепо оборвал он себя. – Тебе шкуру спасти надо!» Но мысль о страховке продолжала остервенело стучаться в его сердце, как одинокий путник в освещенное окно уютного дома посреди зимней, пустой на сотни верст вокруг степи. «Эх, страховка!»

Священник оцепенело смотрел, как поползли вверх и снова осыпались вниз его преследователи, как громкий выстрел где-то рядом, почти над ухом, привел его в чувство. Отец Василий затравленно огляделся: вдоль по самому краю котлована к нему бежал рослый, подтянутый мужик.

– Стоять! Руки за голову! – орал он. – При попытке бег-

ства стреляю без...

Священник подхватил полы рясы и рванул в противоположную сторону.

– Держите его! – орал мужик. – Уходит же!

Священник прибавил скорости.

– Стой, гнида!..

«Щас!»

– Стоять, я сказал!

Священник добежал до какого-то строения, метнулся вправо, затем влево и влетел за темную, металлическую дверь.

Здесь было тепло, темно и тихо. На удивление тихо... Отец Василий, касаясь шершавой стенки рукой, прошел несколько метров и больно ударился голенью обо что-то острое. Пощупал рукой – под ладонью оказалась ступенька из ребристого холодного листового металла. У него не было времени что-нибудь обдумать; просто он искренне надеялся, что господь поможет ему и на этот раз...

Он подобрал полы рясы, занес ногу и шагнул на ступеньку, вторую, третью... Там, позади, заскрипела и тяжело хлопнула железная дверь, и эхо несколько раз прокатилось по огромному настывшему помещению.

– Лучше сам выйди! – крикнул преследователь.

– Ыйди... ыйди... ыйди... – откликнулось эхо.

– Все равно ведь поймаю, – уже тише предупредил мужик.

– Аю... аю... аю... – подтвердило его угрозу эхо.

Стараясь ступать как можно тише, отец Василий сделал еще несколько десятков шагов и вышел на ровную площадку. Там, внизу, щелкнула зажигалка, и он увидел под собой слабо освещенную мужскую фигуру. Преследователь старательно вглядывался в темноту, но зажигалка освещала только его самого.

Отец Василий аккуратно прокрался вперед и встал почти над самой головой мужика с зажигалкой. Тот нерешительно переминался с ноги на ногу, явно опасаясь отойти от двери и дать попу шанс к бегству. «Кто они? – подумал отец Василий. – Неужели сектанты?» У него не было доказательств для этой догадки, но и других версий тоже не было.

Хлопнула дверь, и в помещение один за другим ввалились остальные преследователи. В тусклом свете зажигалки их практически не было видно, но помещение сразу наполнилось звуками тяжелого дыхания и толкотни.

– Где он? Где...

– Здесь, – поднял руку мужик. – Тихо. Он где-то здесь...

Отец Василий присел и спрятался за чем-то темным и массивным. Ощупал: мешки – бумажные, с резким, хорошо знакомым запахом. Это был цемент. Священника посетила настолько дерзкая мысль, что он чуть не рассмеялся. Он привстал, ухватился за верхний в штабеле мешок и подтолкнул его вперед.

Мешок съехал со штабеля и ухнул с площадки вниз. Раздался шлепок, и резкий неприятный запах мигом наполнил

воздух, а дышать стало нечем – цементная пыль разлетелась по всему помещению!

– Ой, бя! – удивились внизу.

Священник задержал дыхание и столкнул еще один мешок, а потом еще и еще. Внизу отчаянно, надрывно закашлялись, и отец Василий, закрыв лицо рукавом, осторожненько пошел вперед.

– Сука!... Кхе... Ах ты!... Кхе-кхе-кхе! – доносилось снизу. – Сволочь!

Отец Василий, все еще стараясь не дышать, пробрался к стене и, осторожно ощупывая дорогу ногой, повернул налево. И сразу на него пахнуло свежим, холодным воздухом. Он протянул руку, но вместо шершавой бетонной стены, ладонь уперлась в гладкое холодное стекло. Священник, не раздумывая, ударил по нему кулаком и, когда стекло разбилось, высунул голову наружу.

Здесь уже вовсю бушевала метель. Отец Василий с наслаждением подставил разгоряченное бегством лицо под струи летящего снега и, только надышавшись, глянул вниз. До земли было метра четыре. «Ноги не переломаю?» – подумал он. Каких-нибудь шесть-семь лет назад для него спрыгнуть со второго-третьего этажа проблем не составляло, но теперь, после семинарии и двух лет размеренной семейной жизни, такой прыжок мог вылезти боком. «Вобьюсь, как гвоздик...» – тоскливо подумал он и полез в окно: другого выхода не было.

Он приземлился точно и уверенно, словно и не было никакого перерыва между службой в спецназе и сегодняшней жизнью служителя церкви. Но тут же ощутил, как острая боль пронзила плечо, а по груди потекло горячее – шов снова лопнул. Отец Василий тяжело поднялся и побежал вперед, туда, где за метельной кутерьмой стояли брошенные без присмотра машины.

* * *

Он сразу сунулся в «БМВ», но ключа в замке зажигания не было, а что с чем соединять в этой навороченной, как военный истребитель, машине, он и понятия не имел. Священник покачал головой и полез в «рафик», и через минуту знакомая машина весело взревела мотором и легко тронулась в путь, оставляя позади страхи, вопросы, а возможно, и ответы на них...

Он прекрасно понимал, что ему несказанно повезло: ни крови, ни смертей. А главное, само происшествие было не слишком важным и хоть на этот раз патриархия ни о чем не узнает. И одной этой мысли он радовался, как удачно нашкодливший ученик младших классов.

Отец Василий выехал на грунтовку, затем вернулся на трассу и, выжимая из «рафика» все, что можно, помчался в Усть-Кудеяр. Но странное ощущение не оставляло его, ощущение сюрреалистичности, ненастоящести происходящего.

Он не только не испугался, где-то внутри он даже не поверил, что это РЕАЛЬНО происходит, так, словно он просто смотрит кино по телевизору, кино, в котором хеппи-энд заведомо предопределен.

* * *

Священник остановился у первого же гаишного поста и заявил о совершенном на него нападении. Молоденький лейтенант тщательно расспросил священника о времени и месте совершения преступления и с облегчением вздохнул:

– Это не в нашей зоне. Вам надо или в Михайловку возвращаться, или уж прямо в район ехать.

Отец Василий завел «рафик» и поехал домой.

* * *

Он сразу же обратился в больницу, и на этот раз им занимался лично Костя. Главврач вместе с молодым хирургом Женей тщательно исследовал каждый сантиметр огромной, рваной, гноящейся раны, еще не так давно бывшей аккуратным, ровным порезом, и, хлопнув друга по здоровому плечу, печально улыбнулся.

– Ну что, Мишаня, буду тебя к кровати суперклеем приклеивать.

– Надолго? – криво улыбнулся его шутке отец Василий.

– Пока не поумнеешь, – вздохнул главврач. – То бишь на-
всегда.

– Я исправлюсь, – без особенной веры в то, что говорит,
тихо произнес священник.

– Не исправишься, – так же тихо произнес в ответ глав-
врач. – Я тебя, слава богу, не первый год знаю...

* * *

А потом была долгая кропотливая операция. Священник отказался от общего наркоза – не хотел терять контакта с реальностью, – а потому видел, каких трудов стоило Косте по кусочкам, стежок за стежком, стянуть обрывки кожи и плоти в одно целое. Потом его провели в палату и уложили на влажное казенное белье. А потом пришла Ольга, и по ее убитому лицу отец Василий сразу понял, что произошло что-то ужасное.

– Что стряслось? Ну, говори же!

– Кто-то опять в нижнем храме нахулиганил... – тихо ска-
зала жена.

– Когда?

– Пока вы в область ездили...

Отец Василий соскочил с постели, обернулся простыней и выскочил в коридор.

– Куда вы, батюшка? – жалобно спросила Ольга. – Вы же

раненый!

– Забери у сестры-хозяйки одежду, – жестко распорядился священник. – Я – в храм! – И прямо в простыне помчался к оставленному во дворе больницы «рафику».

Он домчался до храма в считанные минуты и, как был, в простыне рванулся к дверям нижнего храма. Оттуда бил желтый электрический свет, и он сразу увидел, что замок вывернут с мясом, а на ступеньках сидит, схватившись за голову, диакон Алексей.

Заслышав шаги, диакон обернулся.

– А-а, это вы батюшка... – печально сказал он. – Смотрите, что наделали... подонки...

Снова на полу красовались пентаграммы и странные знаки, снова иконы были сорваны со стен, а штукатурка была изуродована еще сильнее. Крестообразный косой орнамент покрывал все четыре несущие стены сплошным ковром. Словно сумасшедший скульптор вздумал придать нижнему храму безумный, языческий вид.

– Что это? – прикрыл рот руками священник.

– Не знаю... – так и не вставая со ступенек, покачал головой Алексей. – Я такого никогда в жизни не видел.

– Его надо поймать, – сжал челюсти отец Василий.

– Я тоже об этом подумал. Четыре дня в неделю отдежурить смогу, – со вздохом поднялся со ступенек диакон.

Священник благодарно взглянул на Алексея и подумал, что он, пожалуй, недооценивал преданность этого молодого

человека церкви.

* * *

Около полутора часов отец Василий честно пытался заснуть, но убедился, что, несмотря на жуткое переутомление, не может думать ни о чем, кроме странных происшествий в нижнем храме. Злоумышленник определенно следил за ним и был прекрасно проинформирован об отъезде священника на областное ТВ. Его совершенно точно не интересовали иконы: в верхнем храме их было намного больше, и они были куда ценнее. Его столь же определенно не интересовали и драгметаллы: серебро на окладах осталось нетронутым. Определенно, и пентаграммы на полу, и косой орнамент на штукатурке имели ключевое значение, иначе он не повторял бы их раз за разом. Но что за магический обряд он исполнял в нижнем храме, оставалось тайной.

Соблазн предположить, что сегодняшнее покушение, как и то, когда ему порезали плечо, имеет отношение к этим орнаментам, был изрядный, но, поразмыслив, отец Василий признал, что нападение на него в нижнем храме, вероятнее всего, обычная случайность. Просто он помешал злодею исполнить свой план, а тот не хотел, чтобы его поймали за этим делом. Да и сегодняшняя погоня, скорее всего, просто совпала по времени с устроенным в храме вандализмом.

Он с трудом дождался утра и позвонил в патриархию.

Отец Михаил оказался на месте и, внимательно выслушав коллегу, порекомендовал сделать фотоснимки нижнего храма и переслать ему. Однако выехать на место происшествия лично отказался.

– Вряд ли я смогу вам помочь в этом деле, ваше благословение, – мягко отвел он просьбу отца Василия. – Я никогда не сталкивался ни с чем подобным и просто не знаю, что это... Но вы можете обратиться в службу безопасности; подождите, я вам дам телефон.

Отец Василий аккуратно записал телефон церковной службы безопасности, но звонить не стал. Он понимал, что уж если отец Михаил не счел этот случай достойным внимания, там тем более не сочтут...

К девяти утра приехали менты, и отец Василий не выдержал и отвел их таки в нижний храм. Они тщательно осмотрели странные знаки, сделали несколько снимков, почесали в затылке, записали показания священника, забрали «рафик» и, пообещав держать отца Василия в курсе, исчезли.

А к десяти ему позвонил злой и беспощадный в своих оценках Костя и сказал священнику все, что думает по поводу его глупого, насквозь мальчишеского бегства из больницы. И лишь к обеду, за десять минут до начала врезки областного ТВ, священник вспомнил, что сегодня старый Новый год, а значит, по телевизору должны транслировать вчерашнюю запись. Он пощелкал пультом и сразу же увидел на экране себя.

– ...вы же понимаете, что православие и патриотизм связаны давно и прочно, – с гнусной, насквозь фальшивой интонацией говорил его телевизионный двойник. «Неужели я так выгляжу? – ужаснулся священник. – Господи, кошмар какой!»

Ведущая задавала наводящие вопросы; он, как мог, отвечал, но выглядело все это настолько натужно и неестественно, что было больно смотреть. «А сейчас я еще и про сектантов начну трепаться!» – с содроганием подумал он, но ничего не произошло: сразу после разговора о патриотизме пошел фрагмент из самого конца, а затем ведущая поблагодарила гостя студии и призвала телезрителей не пропустить следующую передачу. Пошла заставка, и отец Василий откинулся на подушки. «Слава тебе, господи! – подумал он. – Хоть у них ума хватило вырезать этот ужас!» И в этот самый миг на экране появился улыбающийся костолицый. Что-то о роли музыкального воспитания подрастающего поколения сказал за кадром диктор, что-то об искренности детского возраста – сам костолицый, но священник чувствовал: не они главные герои действия, и уже в следующий момент увидел детский хор. Одетые в снежно-белые костюмчики усть-кудеярские мальчики и девочки старательно всматривались в своего художественного руководителя и, едва он взмахнул руками, запели...

Они пели про землю и небо, про чаек и про далекие страны, и отец Василий все острее понимал, что проигрывает –

глухо и безнадежно. Потому что руководил хором именно костолоицый. И потому что ему удалось то, что и близко не удавалось православной церкви в Усть-Кудеяре – вплотную подойти и прикоснуться к невинным детским душам.

Отец Василий закрыл лицо руками. То, как смотрелись после его деревянного выступления о патриотизме и православии эти ангелочки, резко отбрасывало его назад. Американцы снова пустили в дело свою бесподобную способность из всего делать шоу и снова выиграли.

* * *

Отец Василий провалялся в постели три дня. Его морозило, а по ночам снились то голые тетки, то огромные освежаванные коровьи туши. Ольга уже устала уговаривать его лечь в больницу, и даже прибывшие отчитаться менты смотрели на красного от температуры священника с недоумением. Кстати, они и рассказали, что «рафик» уже лет шесть как списан с одного из областных предприятий и по документам давно должен догнивать где-нибудь на «Вторчермете». Ничего определенного не смогли они сказать и о «БМВ», тем более что номеров священник не запомнил. Так что никаких следов и почти никаких рабочих версий у милиции не было. И естественно, что по поводу таинственных знаков, изображенных на полу нижнего храма, милиция вообще ничего сказать не могла.

– Вы же понимаете, – пожимал плечами капитан. – У нас и специалистов таких нет.

– Вы секту проверяли? – интересовался священник. – Этих, «Детей Духа»...

– А что секта? У них все нормально. Может быть, у вас недоброжелатели какие есть? Вы никого на деньги не обижали? – поспешно переводили тему разговора в другое русло менты, и священник обреченно вздыхал: эти ребята звезд с неба не хватали, а главное, были глубоко повязаны служебными интересами главы райадминистрации...

* * *

Уже на следующий день отец Василий вышел на службу. Он видел, что посещаемость храма упала ниже некуда; теперь это был состоявшийся неопровержимый факт. Соответственно, снизились и сборы, и с такими сборами о том, чтобы восстановить свой сгоревший дом, нечего было и думать.

День шел за днем, и заморские миссионеры все более и более укрепляли свое положение. Они действительно организовали несколько новых фирм и действительно стали давать местным мужикам рабочие места. А уж платили столько, сколько устькудеярцы не видели с советских времен. Трудно было сказать, правда ли это, но некоторые утверждали, что получают по сто баксов – неслыханная, невероятная для заштатного, полудохлого райцентра сумма!

Понятно, что новообращенным везде был зеленый свет. Адептов быстро и охотно продвигали по служебной линии, давали изрядные скидки на товары и обещали всем желающим в течение шести-восьми месяцев – это зависело уже от посольства – обеспечить рабочие визы в Канаду, Аргентину и – для ограниченного числа претендентов – в США.

Разумеется, у отца Василия и других наиболее разумных горожан были подозрения, что это, по сути, «пирамида» и что сектантские блага дойдут не до всех, но все это делалось с таким размахом и такой подкупающей щедростью и внутренней убежденностью, что на этом фоне сомневающиеся выглядели жалкими и трусливыми консерваторами.

* * *

Праздник Крещения господня начался ясным, солнечным рассветом. Природа притихла, словно почуяв сошествие господне, и даже пощипывание легкого морозца казалось ласковым и умудренным, как прикосновение его руки.

Уже вчера, в крещенский сочельник, прихожане порадовали священника, валом повалив на Великое водоосвящение, чтобы унести с собой сумки и сетки, битком набитые пластиковыми бутылками с освященной водой. Люди шли в храм и на всенощное бдение, шли и сейчас, на утреню, а тем временем на Волге мужики уже освежали загодя приготовленную чуть выше причала прорубь. Не пройдет и двух ча-

сов, как, следуя примеру Иисуса, в речные воды погрузятся желающие получить крещение в один с господом день.

Вот интересно, ни разу – ни в семинарии, ни здесь, в Усть-Кудеяре, – не было случая, чтобы крещенный в этот день простудился. Конечно же, отец Василий знал, что господь защищает всех, последовавших за ним, и все равно каждый раз не переставал дивиться этому чуду – не заболел никто: ни мужчины, ни женщины, ни подростки, ни даже дети. . .

День шел как по маслу, и священник был поистине счастлив: жизнь была наполнена смыслом, а его служение всевышнему давало быстрые и на удивление зрелые плоды.

– Ваше благословение! Ваше благословение! – вбежал в храм диакон. – Там все готово! Пора!

Отец Василий с неудовольствием глянул в сторону своего неумного помощника и не выдержал, улыбнулся: в последнее время он все чаще ловил себя на мысли, что рвение диакона заслуживает скорее похвалы, чем порицания. Даже если он и прерывает глубокомысленную беседу своего начальства с паствой.

– Да-да, сейчас едем, – кивнул он.

* * *

Отец Василий окинул взором собравшуюся у проруби толпу, дождался, когда мужик спустится, держась за поручни, по обледеневшей лесенке в воду, наклонился и, троекрат-

но погрузив голову мужика под воду, произнес:

– Крещается раб божий во имя Отца, аминь... и Сына, аминь... и Святого Духа, аминь.

Мужик был крепкий, плотный, но и у него перехватило дыхание от ледяной воды. Он выскочил из воды, нетерпеливо натянул на себя белую простыню, подставил голову для крестика и с трудом дождался, пока священник троекратно проведет его вокруг обмерзшей заснеженной купели.

Отец Василий начал чтение Апостола, как вдруг его внимание отвлек странный всклокоченный человек. Священник заставил себя завершить чтение, отер миро, быстро отхватил большими старинными черными ножницами клочок волос крещаемого и не удержался – глянул...

Это был Маконя.

Великовозрастный хулиган стоял в толпе, но глаза его были пусты и безумны, а губы беспрерывно шевелились. «Что с ним?!» – испугался священник, на мгновение даже прервав чтение. Таким он Маконю не видел никогда.

«Наркотики?» – подумал священник.

Маконя тихо тронулся с места и, отойдя в сторонку, там, где народу было поменьше, стал раздеваться...

Люди оборотились к нему.

«Креститься хочет? Что-то не похоже...»

Главный хулиган города, похоже, был в полном трансе. Он явно не отдавал себя отчет ни где он, ни что делает. Наверное, так вел бы себя обессиленный, смертельно уставший

зомби, всем своим мертвым сердцем желающий только одного – обратно в могилу, обратно в покой... Маконя кинул в снег потертую рыжую шапку, сбросил с плеч куртку, и только тогда отец Василий увидел в его руках белую пластиковую канистру... Маконя медленно открутил пробку, поднял канистру и начал выливать содержимое на себя. Остро пахнуло бензином.

Народ растерянно молчал.

– Господи, помилуй! – вырвалось у отца Василия; он отпустил крещаемого и бросился к Маконе.

Отчаянно завизжали бабы.

Маконя полез рукой в карман, достал зажигалку, и в тот самый момент, когда он уже поднял ее к волосам, священник бросился на него и сшиб с ног. «Спаси и сохрани! – отчаянно шептал поп. – Спаси и сохрани!» Он с усилием вырвал из Макониных рук зажигалку, отшвырнул ее как можно дальше, привстал и рывком посадил, а потом и поднял хулигана на ноги.

– Что случилось?! – крикнул он. – Что стряслось?!

Маконя смотрел сквозь священника, и его губы беззвучно шевелились. Бабы все визжали и визжали.

– Говори громче! Я не слышу! – проорал отец Василий и приложил ухо к самому Макониному рту.

– Не любишь себя, так убей... – еле слышно прошептал Маконя. – Не любишь господу, так умри...

– Что ты сказал? – удивился священник: насколько он

помнил, Маконя со школы был кондовым атеистом. – Повтори!

– Не любишь себя, так убей... – снова так же тихо прошептал Маконя. – Не любишь господу, так умри...

Воцарилась тишина, но отец Василий так и стоял, схватив Маконю за грудки и вдыхая острый бензиновый дух. В Маконе словно тикал часовой механизм или прокручивалась одна и та же неизвестно зачем записанная пленка. И он повторял и повторял, вот уж действительно как заведенный: «Не любишь себя, так убей... Не любишь господу, так умри...»

Священник размахнулся и расчетливо, в четверть силы закатил Маконе пощечину. Воздух зазвенел, а Маконина голова мотнулась из стороны в сторону.

– Смотри на меня! – заорал он Маконе в лицо. – На меня посмотри!

Маконя с трудом почти сфокусировал глаза на священнике, но удержать внимание не мог.

Отец Василий размахнулся и закатил ему еще одну пощечину. Бабы в толпе охнули. Маконина голова мотнулась набок, да так и повисла.

– Смотри на меня! – заорал священник. – Что случилось?! Почему ты это сделал?!

Маконя с усилием поднял голову, и в его глазах мелькнул испуг.

– Я не хочу умирать, – тихо, но внятно произнес он.

Священник все понял. Сатанинский промысел достал его

и здесь. Но он не собирался уступать! Отец Василий поставил Маконю прямо перед собой, встряхнул и, пронзительно глядя ему в глаза, строго спросил.

– Как тебя нарекли?

В глазах престарелого хулигана застыло изумление.

– Как звать тебя, спрашиваю?!

– Андреем...

– Крещен ли ты, Андрей?

Маконя задумался на бесконечно долгие пять или шесть секунд и отрицательно покачал головой.

– Готов ли креститься?

Маконя снова задумался, и вдруг в его глазах появилась надежда – отчаянная, страстная... Он кивнул.

– Отрекаешься ли от сатаны, Андрей?! – громко и членораздельно произнес священник. Это было не совсем по правилам, но по правилам было некогда.

Маконя кивнул.

– Обещаешься ли господу Иисусу Христу?!

– Да... обещаюсь... – внятно произнес Маконя, но глаза его тут же помутились, и он снова затянул свой речитатив: «Не любишь себя, так убей...»

Священник сорвал с Макони мятый пиджак, стянул через голову свитер и, призвав на помощь диакона, стащил сапожки, содрал брюки и, раздев до трусов, потащил к проруби.

Они с диаконом сбросили Маконю в ледяную воду, окатив толпу волной хрустально чистых брызг. Отец Василий,

велел диакону крепко держать крещаемого, дабы не утонул, запоздало кинулся за требником и миром. Но лучше было так, чем никак.

– Крещается раб божий... – громко, внятно начал читать он, и притихшие люди напряженно смотрели, как исчезает в ледяной воде голова Андрея Маконина – еще несколько минут назад хулигана и безбожника, одержимого сатанинской страстью к самоуничтожению.

– Ну что? – вполголоса спросил диакон, когда Маконя вынырнул из проруби в третий раз.

Отец Василий взгляделся: глаза хулигана были ясны и осмысленны, и он явно хотел жить. «Велика сила господя!» – возликовал священник и выдернул Маконю на лед.

Тот так и стоял на четвереньках, пока с него отирали миром, а затем вешали на шею выпрошенный здесь же, у православных, освященный крестик, и поднялся, лишь, когда священник повел его вокруг проруби. И уж потом, когда люди помогли одеть нового обращенного, Маконя поднял глаза на священника.

– Спасибо, батюшка, – сказал он; не Мишаня, не Шатун, по старой памяти, нет – батюшка...

– Благослови тебя господь, – кивнул ему отец Василий. – Три дня держи пост, а потом ко мне на причастие.

Он закончил крестить народ на огромном душевном подъеме. Не гордясь и не строя из себя супермена, он тем не менее знал, что более не уступит этим мерзавцам ни одной православной души – что-то сдвинулось там, на небесах, и с этого момента чаша весов наклонилась в его сторону.

Сразу после крещения священник дал Алексею необходимые указания, помолился у иконы Христа Спасителя и пешком отправился к причалу, а оттуда на остров Песчаный. Он хотел встретиться с костолицым глаза в глаза. И он хотел остановить это безумие.

Отец Василий бодрым шагом за каких-нибудь пятнадцать минут добрался до пристани и ступил на лед. Крещенскую прорубь уже окружили мальчишки с удочками, видно, рыба, почуяв кислород, устремилась сюда со всей округи. Священник улыбнулся и зашагал в сторону Песчаного. Он не знал, что конкретно скажет или предпримет, но твердо верил: в нужный момент господь вразумит.

Мороз крепчал с каждой минутой. Так что, когда, обогнув казавшуюся такой далекой промоину, он вышел на берег, по бокам от белого зимнего солнца стояли два радужных пятна – явление для этих мест нечастое. Отец Василий перекрестился, сотворил молитву, снова перекрестился и решительно направился к Дому рыбака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.